3.13

НИКОЛАЙ ГРОТЪ.

Еще по поводу вопроса

о

ПСИХОЛОГІИ ЧУВСТВОВАНІЙ

Отвѣтъ А. А. Козлову.

Цѣна 40 коп.

2 экз

18

КІЕВЪ.
Типографія К. Н. Милевскаго, Крещатикъ, д. Зейделя.
1881

1958

Оттискъ изъ Извѣстій Института князя Безбородко. Печатано по опредѣленію конференціи Института.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
3776
04

Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій.

(Отвѣтъ А. Козлову).

Мы уже отвѣтили на одну рецензію о нашей книгѣ *), помѣщенную въ сентябрьской книжкѣ Вѣстника Европы (см В. Евр., Декабрь). Вслѣдъ затѣмъ въ печати появилась новая критика на „Психологію чувствованій“ и притомъ болѣе обширная, чѣмъ всѣ предыдущія, составляющая цѣлую книжку почти въ 60 стр. Книжка эта принадлежитъ перу извѣстнаго нашего философа, профессора кіевскаго университета г Козлова. Рецензія г. Козлова возбуждаетъ интересъ не только по своему объему, но и потому еще, что психологическое направленіе ея автора рѣзко отличается отъ нашего. Всѣ другія рецензіи о нашей книгѣ (въ Вѣстн. Евр., въ Мысли, Русской рѣчи, въ Недѣлѣ) принадлежали очевидно лицамъ однихъ съ нами общихъ взглядовъ и симпатій; онѣ исходили, такъ сказать, изъ дружественнаго лагеря, изъ среды людей, понимающихъ одинаково съ нами направленіе, задачи, средства и предѣлы науки вообще и психологической науки въ частности. Г. Козловъ принадлежитъ напротивъ къ лагерю враждебному, къ лагерю „метафизиковъ“ и притомъ представляетъ собою одинъ изъ отечественныхъ отпрысковъ школы Шопенгауэра,—той метафизической школы, которая „среди метафизиковъ“ и на западѣ въ настоящее время господствуетъ и которая учитъ, что міръ есть воля и представленіе, что ничего реальнаго внѣ психическихъ явленій, соотвѣтствующихъ этимъ понятіямъ, не существуетъ. Въ виду такого метафизическаго догмата школы Шопенгауэра, возраженія г. Козлова, какъ одного изъ ея представителей, должны быть любопытны.

Книжка г. Козлова состоитъ по содержанію изъ трехъ частей. Въ первой (стр. 1—16) онъ довольно правильно излагаетъ сущность нашихъ теорій, историческихъ и психологическихъ, отчасти благодаря тому обстоятельству, что мы сами въ концѣ каждой главы сочиненія обстоятельно резюмировали всѣ свои выводы: изъ этихъ резюме г. Козловъ

*) Психологія чувствованія въ ея исторіи и главныхъ основахъ. СП. 1880.

и дѣлаетъ выдержки. Во второй части (стр. 16—31) г. Козловъ подвергаетъ критическому разбору нѣкоторыя положенія историческаго отдѣла нашей книги. Наконецъ въ третьей части (стр. 31—56) онъ касается нашихъ психологическихъ выводовъ и обобщеній. Послѣдняя часть всего интереснѣе и мы прежде всего и подробнѣе всего остановимся на анализѣ теоретическихъ возраженій г. Козлова,—тѣмъ болѣе, что историческія его возраженія лишь слегка касаются нашихъ главныхъ тезисовъ и большею частью сводятся къ защитѣ нѣсколькихъ метафизиковъ отъ незаслуженныхъ притѣсненій эмпирика.

Изъ числа нашихъ теоретическихъ обобщеній два подвергаются особенно подробной и на первый взглядъ сильной критикѣ автора рецензіи. Это, во первыхъ, положеніе, что психическія явленія представляютъ собою *элементы особаго процесса въ живомъ организмѣ*, и во вторыхъ положеніе, что психилогическія явленія *распадаются на четыре класса и составляютъ послѣдовательные моменты одного цѣльнаго событія, называемаго нами,, психическимъ оборотомъ*“. Возраженія, направленныя противъ другихъ нашихъ обобщеній, бѣглы и отрывочны и мы коснемся ихъ впослѣдствіи только ради полноты.

Мысль, что психическія явленія суть элементы извѣстнаго процесса *въ организмѣ* кажется г. Козлову чудовищной. Она служитъ для него источникомъ неисчерпаемыхъ недоумѣній. Прежде всего ему кажется страннымъ примѣненіе понятіе „процесса“ къ области психическихъ явленій. Сравнивая теченіе психическихъ явленій съ физіологическими процессами организма, мы выражаемся между прочимъ, что процеесы организма *часто* не доступны чувствамъ. Противъ этого ограниченія г. Козловъ и вооружается прежде всего. По его мнѣнію процессы не часто, а всегда недоступны чувствамъ. Но онъ забываетъ, что и сокращеніе мускуловъ и сокращеніе кровеносныхъ сосудовъ—процессы, а между тѣмъ эти процессы при вивисекціи животныхъ дѣлаются предметомъ нашего наблюденія. Вообще, если процессъ есть „понятіе, въ которомъ мыслятся перемѣны явленій“, какъ выражается г. Козловъ, то процессъ можетъ быть доступенъ нашимъ чувствамъ, ибо перемѣны явленій даже во внутреннихъ тканяхъ организма въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ быть наблюдаемы при помощи зрѣнія. Недоразумѣніе въ данномъ случаѣ можно объяснить себѣ только особымъ метафизическимъ представленіемъ г. Козлова о сущности «процесса». Съ особой точки зрѣнія шопенгауэровской философіи никакія «перемѣны» явленій можетъ быть и недоступны чувствамъ, но вѣдь съ точки зрѣнія той же философіи и

явленія и даже предметы видимаго міра недоступны чувствамъ, потому что они вовсе не существуютъ. Да и самыя чувства существуютъ ли съ точки зрѣнія Шопенгауэра? Для чистыхъ идеалистовъ и собственный организмъ нашъ есть лишь представленіе, а если такъ, то на какомъ основаніи вообще г. Козловъ различаетъ то, что доступно чувствамъ отъ того, что недоступно имъ? Но пойдемъ далѣе. По мнѣнію г. Козлова, если уже допустить, что психическія явленія аналогичны физіологическимъ процессамъ, то надо признать что они аналогичны и явленіямъ потому, что и явленія (напр. роста, пищеваренія) происходятъ въ организмѣ, какъ и процессы (роста, пищеваренія). Этого мы и не отрицаемъ. Подъ явленіями внѣшняго міра, которыя *несходны* съ явленіями психическими, мы разумѣемъ лишь явленія неорганической природы. Въ организмѣ же всѣ явленія мы считаемъ лишь обнаруженіями физіологическихъ процессовъ. Г. Козловъ недоумѣваетъ, можно лишь вообще сравнивать и находить аналогію между явленіями и процессами. Но въ томъ то и дѣло, что въ примѣненіи къ органической жизни мы находимъ неточнымъ понятіе «явленія» и ищемъ замѣнить его болѣе точнымъ понятіемъ «процесса». Въ наукѣ о физической жизни организма эта замѣна давно совершилась и мы предлагаемъ совершить ту же самую замѣну одного термина другимъ (болѣе точнымъ) и въ наукѣ о психической жизни организма, такъ какъ психическая жизнь организма слѣдуетъ тѣмъ же общимъ законамъ, какъ и физическая.

Но всѣ изложенныя недоумѣнія г. Козлова еще ничтожны. Высшаго пункта недоумѣніе его, по собственному его признанію, достигаетъ лишь тогда, когда онъ читаетъ, что «психическія явленія представляютъ *измѣненія въ организмѣ*». По этому поводу онъ патетически восклицаетъ «да неужели можно *точно и научно* утверждать, что мысли, чувствованія, желанія находятся въ организмѣ и пріурочены къ его тканямъ?» На это мы въ свою очередь отвѣтимъ вопросомъ г. Козлову: «да неужели можно еще и въ наше время человѣку науки утверждать, какъ это дѣлаетъ г. Козловъ (стр. 34 и 37), что психическіе процессы *не* происходятъ въ организмѣ, что они *нигдѣ* не происходятъ, ибо они не находятся въ пространствѣ, а существуютъ только во времени?» Намъ кажется, что не наше воззрѣніе, помѣщающее психическую дѣятельность въ организмъ и въ мозгъ, а скорѣе противуположное возрѣніе, что психическіе процессы не происходятъ нигдѣ, «наивно и показываетъ неразвитость мышленія.» Какъ скоро точными научными опытами уже доказано что разстройство и отчасти даже полное уничтоженіе всѣхъ дру-

гихъ органовъ тѣла, взятыхъ порознь, кромѣ головнаго мозга, неспособно нарушить правильный ходъ психической жизни и что, наоборотъ, болѣзненныя измѣненія въ одномъ этомъ органѣ вызываютъ потерю или извращеніе сознанія, то мы вправѣ не только помѣстить психическую жизнь въ организмѣ (ибо внѣ организма мы никакой психической жизни никогда не наблюдаемъ), но и пріурочить психическіе процессы къ извѣстнымъ опредѣленнымъ тканямъ организма, т. е. къ мозгу. Конечно можно спорить о томъ, *каковъ* самый механизмъ психической дѣятельности въ мозгу, можно предполагать, что въ мозговыхъ процессахъ участвуютъ какія нибудь особыя силы, намъ неизвѣстныя и непереводимыя въ другія силы—такъ называемыя физическія, которыя наука научилась по своему усмотрѣнію воспроизводить и перемѣщать. Такое предположеніе, хотя и не вполнѣ вѣроятно, тѣмъ не менѣе возможно при современномъ состояніи знаній, но отрицать, что психическая дѣятельность совершается въ *организмѣ* и даже въ предѣлахъ извѣстныхъ его органовъ въ наше время смѣшно и дико. Г. Козловъ думаетъ, что если сказать, что психическія явленія происходятъ *во времени*, то этимъ самостоятельная природа ихъ уже доказана. Но можно ли доказать, хотя какими нибудь отдаленными аналогіями изъ другой области фактовъ. что то, что́ совершается во времени, можетъ совершаться нигдѣ, внѣ пространства? Отдѣленіе времени и пространства возможно только при помощи метафизической абстракціи. Въ дѣйствительномъ нашемъ опытѣ никакихъ данныхъ для этого отдѣленія нѣтъ: всѣ тѣ реальныя явленія, которыя мы наблюдаемъ во времени, непремѣнно должны быть пріурочены къ извѣстной точкѣ пространства, имѣющей бо́льшую или меньшую опредѣленность. Такъ напр. психическая жизнь и умственная дѣятельность самого г. Козлова непремѣнно совершается въ предѣлахъ того организма, которому люди дали книжку «г. Козлова, доцента кіевскаго университета» и, если г. Козловъ мѣняетъ мѣсто, то вмѣстѣ съ нимъ мѣняетъ мѣсто и его психическая дѣятельность: въ томъ пространствѣ, гдѣ нѣтъ организма г. Козлова, умственная дѣятельность г. Козлова не можетъ совершаться. Неужели же можно серіозно утверждать, что въ то время, какъ г Козловъ читаетъ лекцію въ зданіи кіевскаго университета, его психическая дѣятельность совершается не въ пространствѣ, занимаемомъ кіевскимъ университетомъ и въ частности организмомъ г. Козлова въ одной изъ аудиторій этого университета, а внѣ его—вездѣ и нигдѣ, напр. въ кабинетѣ его квартиры или можетъ быть даже на Пулковской астрономической обсерваторіи близь Петербурга?

Стремясь въ своемъ сочиненіи научно опредѣлить элементы психическаго процесса, его общій составъ, мы ищемъ для этого опоры въ наукѣ о жизни вообще, т. е. въ біологіи, и находимъ такую опору въ извѣстномъ опредѣленіи науки, предложенномъ Гербертомъ Спенсеромъ Г. Козлову этотъ пріемъ не нравится. Онъ думаетъ, что для установленія различій между классами психическихъ явленій нѣтъ ничего надежнѣе внутренняго опыта; но при этомъ вовсе не трудится опровергнуть тѣ аргументы противъ надежности внутренняго опыта, которые мы приводимъ въ своей книгѣ и изъ числа которыхъ самый важный историческій, состоящій въ указаніи на тотъ фактъ, что прежніе психологи, одинаково пользуясь внутреннимъ опытомъ, не пришли въ дѣлѣ классификаціи психическихъ явленій ни къ какому соглашенію. Желая положить конецъ произволу философскихъ школъ, мы принуждены были признать, что научное опредѣленіе жизни вообще и психической въ частности составляютъ единственный правильный критерій для разчлененія сознанія. По мнѣнію г. Козлова «научнаго» опредѣленія жизни не существуетъ, и въ этомъ мнѣніи онъ ссылается на авторитетъ Клода Бернара, который говоритъ, что понятіе жизни есть послѣднее понятіе, которое можетъ быть опредѣлено наукою о жизни: оно стоитъ въ концѣ ея, какъ идеалъ. Мы не станемъ говорить о непослѣдовательности Клода Бернара, который въ другую пору считалъ возможнымъ опредѣлить жизнь даже однимъ словомъ (la vie est la création), не станемъ вообще указывать на противорѣчія въ философскихъ тееріяхъ этого замѣчательнаго ученаго (ср. Chauffard. La vie, études et problèmes de biologie générale, стр. 105—167). Достаточно сказать, что Клодъ Бернаръ въ указанномъ случаѣ разумѣетъ *конечное* опредѣленіе жизни, связанное съ яснымъ пониманіемъ причины этого явленія и всего ея механизма до мельчайшихъ подробностей, между тѣмъ какъ Спенсеръ даетъ лишь *эмпирическое* опредѣленіе жизни, въ связи съ наблюдаемыми въ *опытѣ* общими условіями и результатами этого процесса. Причинное опредѣленіе явленія можетъ быть невозможно, въ то время какъ эмпирическое опредѣленіе его вполнѣ доступно. Опредѣлить молнію, какъ разряженіе атмосфернаго электричества, нельзя было, пока не было открыто электричество и законы явленій, обнимаемыхъ этимъ понятіемъ, но опредѣлить молнію, какъ большую искру, воспламеняющую предметы, на которые она падаетъ, если только эти предметы воспламенимы, или какъ нибудь иначе, въ связи съ видимыми условіями этого явленія, всегда было возможно. Спенсерово опредѣленіе жизни тоже констатируетъ лишь факты, данные

въ опытѣ. Оно можетъ не удовлетворять такого пытливаго физіолога, какъ покойный Клодъ Бернаръ, но оно всетаки правильно, и выводы, которые на этомъ опредѣленіи основаны, тоже правильны. Но мало того, оно также и научно, потому что понятіе о «приспособленіи» (внѣшнихъ отношеній къ внутреннимъ), на которомъ оно основано, выработано наукою, хотя и выражаетъ лишь совокупность фактовъ, доступныхъ человѣческому опыту. Такимъ образомъ г. Козловъ могъ бы разрушить основанія нашей классификаціи только въ томъ случаѣ, если бы доказалъ неправильность самого опредѣленія жизни, даннаго Спенсеромъ. Но онъ и не пытается вступить на этотъ опасный путь и искусно обходитъ главный вопросъ. Онъ даже подвергаетъ сомнѣнію компетентность Спенсера, какъ «философа» въ рѣшеніи вопросовъ естествознанія. Но нельзя же серіозно утверждать, что философъ не можетъ быть знатокомъ и въ области спеціальныхъ естественныхъ или другихъ наукъ. Г. Козловъ забываетъ, что «философъ» Лейбницъ открылъ дифференціальное счисленіе, что «философъ» Кантъ предвосхитилъ у Лапласа теорію образованія планетъ и т. д. Стараясь всѣми силами опрокинуть основанія нашей классификаціи психическихъ явленій, г. Козловъ указываетъ еще и на то, что мы не вправѣ были опереться на біологію тамъ, гдѣ оказывается невозможнымъ сослаться на авторитетъ физіологіи, потому что по его мнѣнію біологія не есть наука самостоятельная и наша ссылка на широкосравнительные пріемы этой науки произвольна. Этотъ аргументъ въ устахъ г. Козлова служитъ лишь доказательствомъ непослѣдовательности гг. метафизиковъ. Какъ же возможна философія, какъ наука о мірѣ въ его цѣломъ, если невозможна частная наука о жизни въ ея цѣломъ, независимая отъ еще болѣе спеціальныхъ наукъ—анатоміи, физіологіи и т. д.? Предположить, какъ это мы дѣлаемъ, что частный синтезъ, дающій содержаніе такимъ наукамъ, какъ біологія, возможенъ, а общій синтезъ философіи есть неосуществимая утопія, не представляется логической ошибкой, ибо можно гдѣ угодно поставить предѣлы научнаго синтеза. Но предположить обратно, что философія, какъ общая наука о мірѣ возможна, біологія же, какъ общая наука о жизни, невозможна,—есть прямое противорѣчіе. Сомнѣваться въ плодотворныхъ результатахъ широкихъ сравнительныхъ пріемовъ такой науки, какъ біологія, въ возможности этими пріемами опередить спеціальную экспериментальную науку, подобную физіологіи, можетъ лишь тотъ, кто намѣренно игнорируетъ исторію науки. Не изъ такихъ ли пріемовъ возникло геніальное обобщеніе Дарвина, не ими ли пользовался Бэра

при открытіи контраста растительныхъ и животныхъ отправленій организма и т. д.? Сравнительные пріемы служатъ источникомъ всѣхъ плодотворныхъ гипотезъ, въ которыхъ содержатся вопросы для спеціальныхъ наукъ и которыми опредѣляется направленіе всякаго спеціальнаго изслѣдованія.

Сознавая вѣроятно, что онъ недостаточно пошатнулъ главныя *основанія* нашего опредѣленія »психической жизни«, г. Козловъ особо разбираетъ это послѣднее и старается доказать его несостоятельность. Онъ полагаетъ, что понятіе »обмѣна впечатлѣній« между организмомъ и средою не выражаетъ содержанія психической жизни. Духъ, а не организмъ, по мнѣнію г. Козлова, получаетъ впечатлѣнія отъ внѣшней среды. Но то, что духъ получаетъ впечатлѣнія—чистая гипотеза, ибо самое существованіе »духа« для науки гипотетично, а что организмъ получаетъ впечатлѣнія—это несомнѣнный эмпирическій фактъ, ибо глаза, уши и другіе органы чувствъ, будучи частями организма, несомнѣнно служатъ первыми воспреемниками и проводниками впечатлѣній, порождаемыхъ въ сознаніи внѣшнею средою. Сверхъ того научный опытъ удостовѣряетъ, что эти впечатлѣнія оставляютъ слѣды въ нервныхъ центрахъ, т. е. въ мозгу, потому что въ состояніи совершенной безсознательности организмъ можетъ производить дѣйствія, первоначально возникшія въ связи съ извѣстными сознательными впечатлѣніями. Такимъ образомъ г. Козловъ опять игнорируетъ опытные факты, чтобы на мѣсто нихъ поставить метафизическую гипотезу. Впрочемъ для оправданія своей мысли г. Козловъ ссылается на примѣръ, къ сожалѣнію неудачный: »какъ молотъ не можетъ производить впечатлѣній на желѣзо или наковальню, если мы только не предположимъ у нея духа, такъ и внѣшній міръ не производитъ на организмъ никакихъ впечатлѣній». Г. Козловъ забываетъ, что тѣмъ именно и отличается животный организмъ отъ другихъ тѣлъ въ природѣ, что въ немъ механическіе толчки обращаются въ впечатлѣнія, благодаря тому, что онъ обладаетъ «органами», необходимыми для этого превращенія. Если бы желѣзо имѣло глаза, уши, мозгъ, вообще нервную систему, то и оно испытывало бы впечатлѣнія отъ ударовъ молота. По мнѣнію г. Козлова, впечатлѣніями толчки и движенія внѣшней среды становятся, говоря фигурально, только въ духѣ. А у животныхъ, обладающихъ нервной системой низшей организаціи, толчки становятся впечатлѣніями тоже въ духѣ? Или можетъ быть, по мнѣнію г. Козлова, животнымъ во все не доступны впечатлѣнія? Можетъ быть онъ раздѣляетъ взглядъ Декарта, что животныя—безсознательныя машины или автоматы? Къ сожалѣнію такой взглядъ

давно опровергнутъ наукою, поддержка его была бы слишкомъ большимъ анахронизмомъ и г. Козлову, для спасенія себя отъ противорѣчій, повидимому остается только признать, что и у животныхъ, хотя бы самыхъ низшихъ и элементарныхъ, толчки становятся впечатлѣніями только въ духѣ. Но не уронило ли бы такое признаніе самую идею духа, которая оправдывается лишь стремленіемъ возвысить человѣка съ его высоко нравственными и религіозными влеченіями надъ всею совокупностью другихъ живыхъ существъ, другихъ организмовъ? Если бы идея духа не могла удовлетворять этой цѣли, то она потеряла бы значеніе и давно была бы отвергнута. Идея духа заключаетъ въ себѣ идею безсмертія. Такъ какъ безсмертіе душъ мышей, кошекъ и собакъ, клоповъ, таракановъ и мухъ, было бы черезъ-чуръ уродливымъ и дикимъ предположеніемъ, то признаніе принадлежности духа животнымъ повело бы къ диссоціаціи идей духа и безсмертія, а съ тѣмъ вмѣстѣ идея духа утратила бы всякое обаяніе. Но если такъ, то значитъ предположеніе, что толчки и движенія внѣшней среды превращаются въ впечатлѣнія въ мозгу и вообще въ нервныхъ центрахъ, въ примѣненіи къ *животнымъ* есть единственно возможное предположеніе, объясняющее генезисъ доступныхъ имъ впечатлѣній. А отсюда въ свою очередь логически вытекаетъ, что и въ человѣческомъ организмѣ, обладающемъ болѣе совершенно устроеннымъ мозгомъ, впечатлѣнія прежде всего образуются въ мозгу, при чемъ ничто не мѣшаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ предполагать, что это образованіе совершается лишь при участіи особой, спеціально присущей человѣческому мозгу, недоступной уничтоженію, силѣ. Такъ какъ сущность мозговыхъ процессовъ еще не выяснена физіологами, то такое предположеніе можно поддерживать безъ явныхъ противорѣчій. Поэтому то психологи-эмпирики и воздерживаются отъ окончательнаго рѣшенія вопроса о сущности души столько же въ утвердительномъ, сколько и въ отрицательномъ смыслѣ. Они признаютъ, что вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ, по крайней мѣрѣ при современномъ состояніи знаній. Г. Козловъ однако не хочетъ видѣть, что и мы раздѣляемъ этотъ принципъ эмпирической психологіи, установленный Локкомъ, а открыто упрекаетъ насъ въ матеріализмѣ. Матеріализмъ конечно столь же почтенная философская доктрина, какъ и спиритуализмъ, и упрекъ г. Козлова не имѣлъ бы ничего предосудительнаго, еслибы безусловный матеріализмъ не былъ такой же метафизической гипотезой, какъ и спиритуализмъ. Мы глубоко сознаемъ безсиліе этой гипотезы перейти, при настоящемъ состояніи наукъ объ организмѣ, въ достовѣрное, научно-обоснованное положеніе п

потому упрекъ въ матеріализмѣ совершенно нами не заслуженъ. Мы убѣждены, что признаніе мозга мѣстомъ образованія впечатлѣній не предрѣшаетъ еще вопроса о механизмѣ ихъ образованія, и такъ какъ мы нигдѣ не высказываемъ противуположнаго убѣжденія, то г. Козловъ и не долженъ былъ приписывать намъ его. Но г. Козловъ, имѣя пристрастіе къ громкимъ эпитетамъ, не довольствуется обвиненіемъ насъ въ матеріализмѣ—онъ прямо навязываетъ намъ наклонность къ метафизикѣ вообще. Въ чемъ однакоже заключаются метафизическія тонкости, въ которыхъ мы грѣшны, г. Козловымъ не выяснено. Онъ просто приводитъ цитату изъ нашего сочиненія, не дѣлая никакихъ комментаріевъ. Такой пріемъ не наученъ: въ немъ сквозитъ надежда, что читатели пожалуй и не разберутъ, что никакой метафизики въ этой цитатѣ нѣтъ, и, вѣря на слово г. Козлову, подумаютъ, что и въ самомъ дѣлѣ Гротъ—метафизикъ. Но въ чемъ же дѣло въ сущности? Въ приведенной цитатѣ мы указываемъ на различіе дѣйствія и противодѣйствія въ каждомъ взаимодѣйствіи предметовъ и далѣе на противуположность внѣшняго обмѣна движеній между предметами и внутренней переработки этихъ движеній сообразно съ строеніемъ и свойствами этихъ предметовъ. Оба эти контраста признаются и точною наукою и служатъ аксіомами для физики. Стало быть метафизическій характеръ можно предположить развѣ за гипотезою «превращенія» физическихъ явленій въ психическія, которая безсознательно лежитъ въ основаніи нашихъ разсужденій о характерѣ взаимодѣйствія между сознаніемъ и окружающею средою. Такое предположеніе подтверждается тѣмъ, что г. Козловъ вслѣдъ за цитатой переходитъ къ критикѣ означенной гипотезы. Къ сожалѣнію здѣсь все дѣло сводится въ концѣ концевъ къ недоразумѣнію въ словахъ. Мы не знаемъ, какой метафизическій смыслъ придаетъ понятію »превращенія« однихъ явленій въ другія самъ г. Козловъ; но мы лично никакого такого метафизическаго значенія этому понятію не придавали. Превращеніе физическихъ движеній въ психическія для насъ опять есть фактъ эмпирическій, какъ видно изъ приведеннаго нами примѣра превращенія свѣтовыхъ раздраженій, дѣйствующихъ на глазъ и имѣющихъ источникомъ фотографическое изображеніе умершаго друга, въ рядъ психическихъ волненій, мыслей и чувствъ и этихъ послѣднихъ обратно въ извѣстныя сокращенія мускуловъ лица и въ выдѣленія железъ (плачъ объ умершемъ). *Какъ* совершается это двойное превращеніе, мы не говоримъ и во всѣхъ подробностяхъ даже не знаемъ, но что оно происходитъ—отрицать было бы также странно, какъ отрицать вообще причинную зависимость явле-

ній, неизбѣжно и постоянно слѣдующихъ другъ за другомъ. Г. Козловъ, въ своей полемикѣ противъ разбираемаго понятія, опять ссылается на авторитетъ естествоиспытателя—Дюбуа-Реймонда, отвергающаго положительно всякое причинное отношеніе между матеріальными и духовными явленіями и возможность превращенія однихъ въ другія. Но эта ссылка не убѣдительна: или Дюбуа-Реймондъ разумѣетъ лишь невозможность «объясненія» указанныхъ фактовъ, что и мы признаемъ, или и онъ, подобно г. Козлову, позволяетъ себѣ настаивать на достовѣрности метафизической гипотезы, не оправдываемой этими фиктами. Въ послѣднемъ случаѣ г. Дюбуа-Реймондъ такой же авторитетъ для насъ, какъ и самъ г. Козловъ, ибо онъ уже выступаетъ изъ роли естествоиспытателя и является въ роли метафизика, съ которымъ каждый воленъ не соглашаться. И такъ разсужденія г. Козлова о невозможности самого факта превращенія и причинной связи физическихъ и психическихъ явленій грѣшатъ противъ истины, если понимать эти термины въ эмпирическомъ значеніи, какъ выраженія извѣстныхъ отношеній явленій, данныхъ въ опытѣ. Если же г. Козловъ даетъ этимъ терминомъ какой-нибудь особый *метафическій* смыслъ, то зачѣмъ же онъ и намъ навязываетъ такое же толкованіе этихъ терминовъ? Любопытно еще то, что для доказательства невозможности превращенія физическихъ движеній въ психическія, г. Козловъ ссылается на физическій законъ сохраненія силы. По его мнѣнію, еслибы физическія движенія превращались въ психическія, то это значило бы, что часть силы превращается въ *ничто*, а это противорѣчитъ закону сохраненія силы. Но такое разсужденіе можно услышать лишь отъ метафизика! Предварительно г. Козловъ самъ, безъ всякаго основанія предположилъ, что психическія движенія »ничто«, а затѣмъ, выходя изъ этого произвольнаго понятія, онъ аргументируетъ при помощи точнаго физическаго закона. Явное petitio principii!

Такимъ образомъ всѣ нападенія г. Козлова на наше общее ученіе о характерѣ психической дѣятельности, какъ особой группы »процессовъ въ организмѣ«, основаны не на фактахъ и строго научныхъ принципахъ критики, а вытекаютъ изъ цѣлаго ряда метафизическихъ гипотезъ, прямо идущихъ въ разрѣзъ съ нашими научными теоріями. Перейдемъ ко *второму* вопросу, разбираемому г. Козловымъ, а именно *о составѣ психическаго оборота*, т. е. о числѣ и взаимномъ отношеніи *классовъ* психическихъ явленій.

Разсматривая всѣ психическія явленія, какъ моменты одного общаго оборота, мы дѣлимъ ихъ на четыре класса, соотвѣтствующіе четыремъ

моментамъ этого оборота: 1) ощущенія и идеи, 2) чувствованія и чувства, 3) стремленія и желанія, 4) движенія и дѣйствія. Г. Козловъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что эта классификація заключаетъ въ себѣ крупное нововведеніе, состоящее въ отдѣленіи класса движеній и дѣйствій отъ класса стремленій и желаній, между тѣмъ какъ старая психологія сливала явленія этихъ двухъ классовъ въ одно общее понятіе «воли». Но по мнѣнію г. Козлова это крупное нововведеніе недостаточно нами оправдано и обосновано. Этому замѣчанію мы удивляемся. Изъ отзывовъ многихъ лицъ, читавшихъ нашу книгу, мы заключаемъ, что совершенно достаточно обосновали свою мысль, такъ какъ многимъ изъ нихъ наша классификація психическихъ явленій показалась вполнѣ убѣдительною Притомъ и въ другихъ печатныхъ отзывахъ о нашей книгѣ разчлененіе это не встрѣтило никакихъ возраженій, а въ одномъ даже признано имѣющимъ »глубокое значеніе« (ср. Мысль, 1880, № 6, стр. 173). Но положимъ даже, что для болѣе глубокомысленныхъ философовъ, какъ г. Козловъ, наши основанія дѣйствительно не достаточны и постараемся опредѣлить, правильны ли основанія, приводимыя г. Козловымъ противъ отдѣленія класса движеній и дѣйствій отъ класса стремленій и жеданій. Прежде однако отвѣтимъ г. Козлову на вопросъ его о томъ, считаемъ ли мы открытый нами классъ психическихъ явленій пропущеннымъ другими психологами или неправильно включеннымъ въ другой классъ. Мы считаемъ, что и то и другое вѣрно: этотъ классъ явленій былъ неправильно включенъ въ область явленій воли и тѣмъ самымъ пропущенъ какъ самостоятельный классъ, хотя нѣкоторые психологи, какъ мы и указали въ своей книгѣ, центръ тяжести переносили съ перваго момента дѣятельности на второй, называя явленія воли «дѣйствіями». Г. Козловъ отрицаетъ контрастъ стремленій и движеній, желаній и дѣйствій, какъ раздѣльныхъ моментовъ *психической* дѣятельности. Онъ думаетъ, что подъ движеніями въ отличіе отъ стремленій можно разумѣть только движенія организма и его частей и, подобно французскому психологу Рибо, полагаетъ, что эти движенія могутъ быть доступны сознанію только при посредствѣ мускульныхъ ощущеній, внѣшнихъ и внутреннихъ. Если бы это было вѣрно, то было бы очевидно, что мы неправильно выдѣляемъ въ особый классъ «движеній» лишь одну изъ группъ ощущеній. Прійдя къ такому странному предположенію, г. Козловъ сознается, что можно допустить еще и другое предположеніе, а именно, что онъ самъ не въ состояніи придумать, въ чемъ бы могъ заключаться классъ движеній, соотвѣтствующій особому моменту психическаго оборота. Это второе предположеніе ока-

зывается единственно вѣрнымъ, и мы постараемся восполнить пробѣлъ въ наблюденіяхъ г. Козлова, благодаря которому онъ не понялъ истиннаго значенія нашей классификаціи.

Представимъ себѣ прежде всего весьма обыкновенный случай, что дѣятельность человѣка состоитъ не въ какихъ-нибудь движеніяхъ его тѣла, т. е. мускуловъ, а въ отправленіяхъ органа, который насколько извѣстно неспособенъ къ мускульной работѣ въ настоящемъ значеніи этого слова. Пусть дѣятельность будетъ состоять напр. въ размышленіи о какомъ-нибудь научномъ вопросѣ. Положимъ я читалъ какое-нибудь сочиненіе по философіи и, прочитавъ извѣстный отдѣлъ книги, получилъ желаніе обдумать вопросъ, поставленный авторомъ и рѣшенный въ направленіи, противорѣчащемъ моимъ идеямъ о данномъ предметѣ. Положимъ даже, для большей наглядности случая, что я читалъ книгу лежа на диванѣ. Желаніе обдумать интересующій меня вопросъ можетъ нѣкоторое время оставаться простымъ желаніемъ или стремленіемъ. Сначала я отсрочиваю исполненіе этого желанія, чтобы отдохнуть и собраться съ силами, затѣмъ на смѣну могутъ явиться какія-нибудь воспоминанія и постороннія размышленія. Я вспомнилъ напр., что черезъ два часа ко мнѣ прійдетъ пріятель переговорить о дѣлѣ и сталъ размышлять объ этомъ свиданіи. Эти размышленія тѣмъ не менѣе сопровождаются смутнымъ стремленіемъ приступить къ обдумыванію философскихъ разсужденій, усвоенныхъ только-что изъ книги, которую я читалъ. Между этимъ стремленіемъ и стремленіемъ продолжать болѣе интересныя размышленія о приходѣ пріятеля происходитъ борьба Положимъ наконецъ, что первое стремленіе одолѣваетъ и я начинаю обдумывать разсужденія моего философа. Стремленіе переходитъ въ рядъ внутреннихъ движеній, сознаваемыхъ не въ силу мускульныхъ ощущеній, которыхъ въ данномъ случаѣ нѣтъ, ибо нѣтъ никакой мускульной работы и вообще не въ силу какихъ-нибудь ощущеній, а также непосредственно, какъ мы сознавали въ себѣ сначала извѣстное стремленіе. Конечно въ переносномъ смыслѣ можно сказать, что мы и стремленіе и чувство и даже самое ощущеніе «ощущаемъ» въ себѣ, ибо иногда подъ ощущеніемъ вообще разумѣютъ всякій актъ сознанія. Но едва ли такое смѣшеніе понятій желательно. Мы разумѣемъ подъ ощущеніемъ только ощущеніе физическихъ перемѣнъ въ организмѣ и въ окружающей средѣ и классифицируемъ психическія явленія, основываясь на рефлексіи, которую не должно смѣшивать съ ощущеніемъ. Рефлексія же, т. е. сознаніе собственныхъ актовъ сознанія, подтверждаетъ въ такой же мѣрѣ различіе чувствованій и чувствъ отъ

стремленій и желаній, какъ различіе этихъ послѣднихъ отъ внутреннихъ движеній и дѣйствій. Стремленіе и желаніе чисто субъективны, они неспособны непосредственно перейти въ рядъ физическихъ движеній и сложныхъ дѣйствій и часто такъ и остаются на степени стремленій и желаній. Но если они заключились извѣстнымъ психическимъ импульсомъ или толчкомъ по направленію къ внѣшнему объекту, тогда движеніе и дѣйствіе въ физическомъ смыслѣ неизбѣжны и по поводу этихъ послѣднихъ могутъ возникнуть, уже какъ начало новаго оборота, тѣ мускульныя ощущенія, о которыхъ говоритъ г. Козловъ. Раздѣльность этихъ мускульныхъ ощущеній отъ психическихъ движеній, косвенно ихъ вызвавшихъ чрезъ посредство движеній физическихъ, должна быть очевидна для всякаго непредубѣжденнаго психолога. Она подтверждается между прочимъ еще и тѣмъ, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда физическія движенія, сопровождающія извѣстную дѣятельность, безсознательны (рефлексы) и когда мускульныхъ ощущеній eo ipso быть не можетъ, мы все-таки сознаемъ переходъ отъ стремленія къ дѣйствію. Мы напр. играемъ на фортепіано наизусть давно знакомую пьесу. Всѣ частныя движенія рукъ, ногъ и туловища автоматичны и безсознательны. Они могутъ не сопровождаться никакими ровно мускульными ощущеніями, а между тѣмъ мы сознаемъ, что дѣйствуемъ. Когда мы обдумываемъ какой-нибудь научный вопросъ, то дѣйствіе мышленія можетъ быть тоже сопровождается какими-нибудь движеніями въ мозгу, аналогичными движеніямъ мускуловъ, но мы ихъ не сознаемъ, а между тѣмъ сознаемъ, что дѣйствуемъ. Изъ всѣхъ подобныхъ примѣровъ очевидно различіе мускульныхъ ощущеній отъ сознанія движеній, какъ чисто психическихъ актовъ. Послѣднія составляютъ самостоятельный моментъ въ каждомъ психическомъ оборотѣ, первыя составляютъ иногда слѣдствіе физіологическихъ отправленій, въ которыя переходитъ упомянутый моментъ психической дѣятельности. Вообще надо строго различать психическую и физіологическую сторону движеній. Въ этомъ отношеніи между ощущеніями и движеніями, какъ началомъ и концомъ психическаго оборота, какъ точками соприкосновенія сознанія и окружающей среды—субъекта и объекта, существуетъ полная аналогія. Разница только въ томъ, что въ ощущеніяхъ физіологическій моментъ предшествуетъ психическому, въ движеніяхъ наоборотъ этотъ физіологическій моментъ слѣдуетъ за психическимъ. Бываютъ, какъ мы уже видѣли, случаи, когда физіологическій моментъ въ движеніяхъ и ощущеніяхъ общій, а именно когда ощущеніе принадлежитъ къ группѣ мускульныхъ, и тогда психическіе

моменты движенія и ощущенія становятся по обѣ стороны извѣстнаго физіологическаго процесса и располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Психическое движеніе.

2. Физіологическій процессъ въ мышцахъ.

3. Психическій моментъ ощущенія, возникшій изъ этого физіологическаго процесса въ мышцахъ.

Въ этомъ случаѣ одинъ психическій оборотъ непосредственно переходитъ въ другой и предѣломъ между ними является лишь физіологическое сокращеніе мускуловъ. Психическое движеніе было слѣдствіемъ извѣстнаго ряда ощущеній, чувствованій и стремленій; вновь возникшія мускульныя ощущенія даютъ поводъ къ образованію новаго ряда чувствованій. стремленій и психическихъ движеній. Параллельно этому простѣйшему типу перехода одного психическаго оборота въ другой укажемъ на болѣе сложный типъ такого превращенія. Физическія движенія, которыми окончился одинъ психическій оборотъ, произвели извѣстное перемѣщеніе во внѣшнихъ предметахъ. Это перемѣщеніе даетъ поводъ къ образованію извѣстнаго ряда зрительныхъ ощущеній, изъ которыхъ развиваются новыя чувствованія, стремленія и движенія. Въ другомъ случаѣ заключительныя движенія одного оборота вызвали рядъ слуховыхъ ощущеній (игра на музыкальномъ инструментѣ) и соотвѣтствующихъ чувствованій, стремленій и движеній, психическихъ и физическихъ. Изъ этихъ примѣровъ ясно, что мускульныя ощущенія, сопровождающія психическую «дѣятельность», составляютъ лишь *одну* изъ группъ ощущеній, вызываемыхъ этою послѣднею и служащихъ переходомъ отъ одного психическаго оборота къ другому. Вообще мускульныя ощущенія, сопровождающія извѣстныя движенія, по отношенію къ этимъ движеніямъ, какъ заключительному звену извѣстнаго оборота, играютъ совершенно внѣшнюю роль, имѣютъ лишь второстепенное значеніе и замѣчательно, что такую же второстепенную роль могутъ играть обратно движенія въ процессѣ ощущенія (напр. движенія глаза съ цѣлью приспособленія его къ извѣстнымъ зрительнымъ воспріятіямъ). Странно было бы зрительныя ощущенія назвать движеніями, потому что эти ощущенія сопровождаются движеніями глаза. Точно также странно называть ощущеніями психическія движенія потому только, что мы ощущаемъ сокращенія мускуловъ, сопровождающія эти психическія движенія. Потому-то мы и вооружились противъ смѣшенія движеній съ ощущеніями, допущеннаго г. Рибо въ его статьѣ «о психологическомъ значеніи движеній»!

И такъ контрастъ движеній, психическихъ и физическихъ, и различіе первыхъ отъ такъ называемыхъ стремленій или влеченій достаточно нами выясненъ. Споръ можетъ быть только о словахъ. Можетъ быть г. Козловъ придумаетъ какой-нибудь лучшій *терминъ* для обозначенія психическихъ явленій, составляющихъ четвертый моментъ психическаго оборота; но самый фактъ существованія этого рода психическихъ явленій отъ того не измѣнится. Мы назвали ихъ движеніями, имѣя въ виду то обстоятельство, что терминъ «движеній» и безъ того принято прилагать къ сферѣ сознанія, къ области психической дѣятельности. Иные психологи называютъ движеніями (внутренними) всѣ вообще перемѣны въ сознаніи, особенно же волненія и аффекты. Мы съузили и ограничили употребленіе этого термина сообразно съ новою классификаціею психическихъ явленій. Этотъ терминъ удобенъ еще и потому, что движенія давно принято противуполагать ощущеніямъ, а такъ какъ «ощущеніемъ» называется обыкновенно весь процессъ взаимодѣйствія субъекта и объекта въ направленіи отъ послѣдняго къ первому, то точно также удобно называть «движеніемъ» весь процессъ такого взаимодѣйствія въ обратномъ направленіи, т. е. отъ субъекта къ объекту. Если же терминъ «движенія» принять для обозначенія всего процесса, то уже по необходимости придется пользоваться имъ для обозначенія отдѣльныхъ элементовъ этого процесса при помощи конечно извѣстныхъ опредѣлительныхъ эпитетовъ «внѣшній и внутренній, психическій и физическій» и т. д. Такимъ образомъ едва ли г. Козлову или другому какому-нибудь психологу удастся замѣнить нашъ терминъ болѣе подходящимъ.

Параллельно различію между стремленіями и движеніями, какъ элементарными явленіями сознанія, существуетъ то же различіе между желаніями и поступками, какъ явленіями сложными. Тутъ различіе еще рѣзче и доказать его можно весьма легко. Дѣло въ томъ, что и всякая мораль, интуитивная или утилитарная, признаетъ различіе желаній отъ поступковъ. Это различіе играетъ видную роль и въ юридической практикѣ. Человѣкъ, который желалъ бы убить другого человѣка, но не убилъ его и вообще не совершилъ никакихъ дѣйствій для осуществленія этого желанія не считается преступникомъ и къ нему не прилагаются уголовные законы. Но мало того, человѣкъ, который сознается даже, что желалъ смерти другого человѣка, и который потомъ дѣйствительно совершилъ убійство, какъ внѣшнее дѣяніе, не всегда одинакого строго наказывается. Если доказано, что желаніе его еще не перешло въ твердое рѣшеніе воли и что онъ совершилъ убійство въ концѣ концевъ нечаян-

но, случайно, неожиданно для себя, то онъ наказывается снисходительнѣе, чѣмъ убійца, дѣйствовавшій сознательно и преднамѣренно. Такимъ образомъ юридическая практика не только отличаетъ желаніе отъ дѣйствія, но и самое дѣйствіе прямо разлагаетъ на его два момента—дѣйствіе психическое и дѣйствіе матеріальное, физическое. Извѣстное матеріальное дѣйствіе, даже если оно соотвѣтствуетъ желанію, признается настоящимъ преступленіемъ только тогда, если оно было слѣдствіемъ извѣстнаго психическаго дѣйствія, т. е. если между желаніемъ и матеріальнымъ дѣйствіемъ было еще одно звено, непосредственно ихъ связывающее, а именно извѣстное сложное психическое движеніе или дѣйствіе. Признаніе этого промежуточнаго звена служитъ между прочимъ главною опорою для ученія о свободной волѣ. Если бы всѣ желанія непроизвольно для насъ переходили во внѣшнія дѣйствія, то не было бы никакого повода говорить о свободной волѣ. Но въ томъ то и дѣло, что между желаніями и внѣшними дѣйствіями есть еще звено, отсутствіе котораго уничтожаетъ всякую связь между желаніемъ и внѣшнимъ дѣйствіемъ и возможность присутствія или отсутствія котораго и служитъ главнымъ основаніемъ для ученія о свободной волѣ. Конечно можно затѣмъ предположить, что «свободное» появленіе этого звена есть лишь иллюзія сознанія, что психическое дѣйствіе или импульсъ воли есть только механическій продуктъ борьбы и развитія желаній (такъ думаютъ детерминисты); но по крайней самый фактъ подобной иллюзіи всегда останется, ибо онъ связанъ съ фактомъ различія желаній, внутреннихъ дѣйствій и внѣшнихъ дѣйствій, и отъ того то борьба детерминизма съ индетерминизмомъ до сихъ поръ не привела ни къ какимъ результатамъ и ученіе о свободной волѣ продолжаетъ находить себѣ поддержку во внутреннемъ опытѣ человѣка. Такимъ образомъ юридическая практика и философское ученіе о свободѣ воли одинаково опираются на фактъ различія желаній и психическихъ дѣйствій съ одной стороны, психическихъ и матеріальныхъ дѣйствій—съ другой. Но кромѣ того высшая человѣческая мораль прямо констатируетъ фактъ существованія «психическихъ дѣйствій» независимо отъ чего либо другого. Такъ по христіанскому кодексу морали въ числѣ возможныхъ преступленій признается «прелюбодѣяніе въ мысляхъ». Никакими внѣшними поступками такое преступленіе не сопровождается. Съ другой стороны «прелюбодѣяніе въ мысляхъ» не есть простое «желаніе», чтобы извѣстные факты совершились—это есть представленіе или воображеніе, что они совершаются, это есть соглашеніе на то, чтобы они совершились, готовность совершить ихъ при бла-

гопріятныхъ обстоятельствахъ,—иначе сказать, это есть извѣстное [redacted] хическое дѣйствіе, вытекающее изъ желанія и не переходящее въ дѣйствіе матеріальное только въ силу какихъ-нибудь внѣшнихъ препятствій. Существованіе такихъ психическихъ дѣйствій, въ отличіе отъ дѣйствій внѣшнихъ и отъ простыхъ желаній, служитъ между прочимъ основаніемъ для той нравственной борьбы человѣка съ вожделѣніями своей плоти, которую рекомендуетъ христіанская мораль. Вожделѣнія плоти, плотскія желанія всѣми христіанскими моралистами признаются какъ нѣчто неизбѣжное, соединенное съ природою человѣка. Вся задача только въ томъ, чтобы побороть эти желанія, чтобы не дать имъ развиться, не дать имъ перейти въ психическія дѣйствія, которыя уже составляютъ результатъ побѣды этихъ желаній надъ другими, болѣе чистыми, и которыя служатъ шагомъ къ появленію безнравственныхъ внѣшнихъ дѣйствій, т. е. настоящихъ преступленій не только противъ морали, но и противъ юридическихъ законовъ. Христіанская мораль не осуждаетъ человѣка, у котораго въ силу его физической организаціи одни и тѣ же плотскія желанія постоянно, цѣлые годы подъ рядъ, вновь и вновь возникаютъ въ сознаніи. Лишь бы онъ подавлялъ эти желанія, лишь бы не принималъ ихъ какъ явленія законныя, не давалъ бы имъ превращаться въ дѣйствія, столько же психическія, сколько психическія и матеріальныя вмѣстѣ! Въ такомъ случаѣ эта мораль назоветъ его добродѣтельнымъ и чистымъ. Но если онъ хоть мысленно разрѣшилъ имъ быть и ждетъ случая, чтобы осуществить ихъ de facto, матеріальнымъ путемъ, то съ точки зрѣнія той же морали онъ преступенъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, г. Козловъ очевидно неправъ, когда думаетъ, что «то, что мы называемъ дѣйствіемъ или поступкомъ, можетъ быть разсматриваемо только съ двухъ сторонъ: или какъ желаніе *) или какъ комплексъ механическихъ движеній рукъ, ногъ и другихъ членовъ тѣла». Между тѣмъ и другимъ есть важное звено—звено психическаго дѣйствія. Одну только ошибку мы признаемъ въ изложеніи своей теоріи о различіи желаній и дѣйствій въ «психологіи чувствованій». Въ своей книгѣ мы уподобляли понятія желанія и хотѣнія. Но было бы точнѣе поставить понятіе «хотѣнія» въ связь съ понятіемъ «дѣйствія», какъ момента сложнаго психическаго оборота. Психическое дѣйствіе и хотѣніе почти одно и то же. Въ понятіи хотѣнія уже лежитъ идея желанія *признаннаго*, перешедшаго въ дѣйствіе. Неопредѣленность психо-

*) „Какъ психическій актъ воли“.

логическихъ понятій, надѣемся, отчасти извиняетъ неточность въ терминологіи, нами допущенную. Къ сожалѣнію г. Козловъ на эту неточность и не думалъ указывать, а отрицалъ самый фактъ различія двухъ моментовъ въ психической «дѣятельности». Но въ этомъ отношеніи, какъ достаточно доказано, г. Козловъ грѣшилъ противъ истины. Для усиленія эффекта своей мнимой побѣды, г. Козловъ подсмѣивается еще надъ нашимъ пристрастіемъ къ симметричности классификаціи. Послѣ всего нами сказаннаго, этотъ новый аргументъ не требуетъ опроверженія. Мы признали независимый классъ движеній и дѣйствій рядомъ съ классомъ стремленій и желаній не потому, чтобы боялись «скандала въ системѣ, если бы она была несимметрична,» какъ выражается нашъ краснорѣчивый противникъ, а потому что это признаніе является неизбѣжнымъ выводомъ изъ фактовъ. Скажемъ болѣе: сознаніе необходимости отдѣленія желаній отъ дѣйствій явилось въ насъ ранѣе идеи общей симметричной классификаціи психическихъ явленій и теорія психическаго оборота была лишь выводомъ изъ анализа частныхъ группъ явленій сознанія. Въ данномъ случаѣ г. Козловъ приписываетъ намъ мотивъ, свойственный именно философамъ-метафизикамъ. Дѣло въ томъ, что эмпирическая наука находитъ симметрію тамъ, гдѣ ея и не искала, тогда какъ метафизика ищетъ симметріи тамъ, гдѣ ея не существуетъ, т. е. въ области фантастическихъ понятій, искусственно ею созданныхъ и не соотвѣтствующихъ ничему реальному. На такомъ именно принципѣ и было построено старое дѣленіе души на *три* части или способности, противъ котораго мы возстали!

Отъ критики понятія движеній и дѣйствій г. Козловъ переходитъ къ критикѣ общей теоріи психическаго оборота, которая основана на идеѣ превращенія однихъ психическихъ явленій въ другія, т. е. развитія ихъ другъ изъ друга, какъ причинъ и дѣйствій. Возраженія г. Козлова сводятся къ слѣдующимъ главнымъ пунктамъ:

1. Признаваемая нами послѣдовательность развитія психическихъ явленій неправильна, ибо на низшихъ ступеняхъ сознанія чувствованія и стремленія господствуютъ и не предшествуются никакими ощущеніями съ содержаніемъ объективнымъ.

2. Но если бы даже пріоритетъ чувствованій и влеченій надъ ощущеніями и идеями и не былъ доказанъ, то надо признать вмѣстѣ съ Вундтомъ, что и ощущенія и чувствованія являются въ сознаніи неразрывно и одновременно. Не только одни изъ нихъ не предшествуютъ другимъ, но и вообще разграниченіе ощущеній и чувствованій возможно

лишь при помощи психологической абстракціи: реально раздѣльными эти явленія назвать нельзя. Вообще отношеніе психическихъ явленій другъ къ другу есть отношеніе параллелизма, а не причинной зависимости.

3. Если же было бы доказано, что психическія явленія развиваются другъ *изъ* друга или превращаются другъ *въ* друга, то тогда нельзя уже было бы говорить о *самостоятельности* чувствованій и вообще отдѣльныхъ группъ психическихъ явленій въ отношеніи другъ къ другу, а пришлось бы признать, подобно нѣкоторымъ психологамъ, что всѣ психическія явленія суть разнообразныя формы обнаруженія одного основного класса явленій. Такъ какъ у насъ психическій оборотъ начинается съ ощущеній и представленій, то наша теорія подходила бы болѣе всего къ Гербартовской, ибо и Гербартъ признаетъ основною формою сознанія «представленіе». Разница была бы только въ томъ, что теорія Гербарта имѣетъ идеалистическую основу, а наша—основу матеріалистическую.

Разберемъ по очереди всѣ указанныя разсужденія г. Козлова.

Во первыхъ, что касается до предполагаемаго пріоритета чувствованій и влеченій, то хотя и несомнѣнно, что у животныхъ, дѣтей и у развитаго человѣка, въ сферѣ низшихъ растительныхъ отправленій организма, элементъ темныхъ чувствъ и влеченій преобладаетъ надъ элементомъ ясныхъ объективныхъ ощущеній и идей, тѣмъ не менѣе даже самый ярый сторонникъ пріоритета чувствъ, Горвицъ, принужденъ признать, что и въ самыхъ темныхъ органическихъ чувствованіяхъ есть элементы объективнаго знанія. Вообще онъ признаетъ твердымъ психологическимъ закономъ, что всѣ чувственныя воспріятія столько же объективны, т. е. служатъ источникомъ знаній о вещахъ, сколько и субъективны, т. е. пробуждаютъ чувствованія пріятнаго и непріятнаго (Psychol. Analyzen, I, 5. 343). Это положеніе обставлено у него рядомъ фактическихъ доказательствъ, при чемъ онъ весьма тонко замѣчаетъ, что уже самая локализація чувства боли и другихъ, отнесеніе ихъ въ тѣ или другіе органы, есть уже элементъ объективный, есть уже представленіе. Вундтъ же считаетъ это представленіе даже весьма сложнымъ (Logik, I, p. 11). Такимъ образомъ пріоритетъ чувствъ и вообще субъективныхъ явленій сознанія надъ объективными можно понимать лишь въ смыслѣ первоначальнаго преобладанія первыхъ надъ вторыми со стороны интенсивности. Но этого мы и не отрицали, да и вообще этотъ фактъ нисколько не подрываетъ нашей теоріи психическаго оборота, потому что и на высшихъ ступеняхъ развитія сознанія весьма слабыя ощущенія могутъ быть источникомъ весьма сильныхъ чувствъ и волненій. Пускай

у низшихъ организмовъ ощущенія и представленія будутъ весьма просты и смутны. Весьма возможно, что и чувства и влеченія ихъ, несмотря на свою интенсивность, тоже весьма просты и смутны. Это даже прямо подтверждается опытомъ человѣка развитого, чувства котораго въ сферѣ низшихъ, растительныхъ отправленій тоже весьма несложны и не отчетливы. Что же касается до большей интенсивности чувствованій и влеченій, то опять и у развитаго человѣка субъективныя состоянія сознанія—чувства, аффекты и страсти—гораздо интенсивнѣе идей, т. е. объективныхъ явленій сознанія. Такое отношеніе интенсивности явленій отнюдь не предрѣшаетъ еще вопроса о томъ, развиваются ли чувствованія изъ ощущеній или нѣтъ. Поэтому мы прямо перейдемъ ко второму вопросу, т. е. посмотримъ, правильно ли предположеніе постояннаго *параллелизма* идей и чувствъ, объективныхъ и субъективныхъ явленій сознанія. Не правильнѣе ли предположеніе о послѣдовательномъ развитіи чувствъ изъ идей, субъективныхъ явленій изъ объективныхъ?

Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только путемъ анализа явленій нѣкоторой сложности. На низшей ступени сознанія, какъ и вообще на низшей ступени развитія природы, составные элементы явленій или моменты процессовъ еще не дифференцировались и искать отчетливыхъ границъ между ними въ пространствѣ или же во времени конечно невозможно. Анатомія напр. въ низшихъ организмахъ не находитъ различія между головнымъ и спиннымъ мозгомъ, а еще ниже затрудняется даже провести опредѣленную границу между центральными и периферическими нервными клѣтками или узлами. Точно также физіологія различаетъ моменты органическихъ процессовъ во времени, напр. хоть-бы процесса пищеваренія, только въ высшихъ организмахъ. Моменты обработки пищи слюною и зубами, обработки ея въ пищепроводѣ, въ желудкѣ, въ кишкахъ не могутъ быть отмѣчены въ процессѣ пищеваренія, совершающемся въ низшихъ организмахъ, потому что у нихъ и самые органы далеко не такъ сложны. Тѣмъ не менѣе и анатомія и физіологія въ низшихъ организаціяхъ тканей и процессовъ признаютъ существованіе зародышей тѣхъ раздѣльныхъ органовъ и отправленій, которые могутъ быть наблюдаемы въ организаціяхъ высшихъ. Теперь, зародыши различія ощущеній и чувствованій (равно какъ влеченій и движеній), какъ мы видѣли, могутъ быть отмѣчены и въ психическихъ явленіяхъ, доступныхъ низшимъ организмамъ. Но всетаки искать раздѣльности этихъ моментовъ во времени въ жизни низшихъ организмовъ было бы ни съ чѣмъ несообразно. Естественно, что она можетъ обнаружиться только на болѣе

высокихъ ступеняхъ развитія сознанія и, если существованіе ея здѣсь будетъ доказано, то общій законъ психическаго оборота придется признать такимъ же несомнѣннымъ закономъ, какъ законъ послѣдовательности или смѣны моментовъ любаго сложнаго физіологическаго процесса. Въ низшихъ же формахъ сознанія придется признать это различіе существующимъ лишь in potentia, въ задаткѣ, точно также какъ это дѣлаютъ анатомія и физіологія относительно низшихъ тканей и низшихъ процессовъ. Пріемы всѣхъ естественныхъ наукъ должны быть одни и тѣ же. Выходя изъ этихъ положеній, мы и высказали въ своемъ сочиненіи мысль, что у дѣтей и у животныхъ, чувствованія иногда возникаютъ изъ ощущеній на *неизмѣримо малыхъ промежуткахъ времени*, такъ что на первый взглядъ кажется, что они возникаютъ разомъ. Г. Козловъ нашей мысли не понялъ и нашелъ противорѣчіе между понятіемъ о неизмѣримо-малыхъ промежуткахъ времени между психическими явленіями и понятіемъ о психическомъ оборотѣ вообще, хотя мы весьма ясно указываемъ, что первый родъ послѣдовательности имѣетъ мѣсто лишь на низшихъ ступеняхъ развитія сознанія. Устранивъ это маленькое недоразумѣніе, постараемся доказать, что при сколько-нибудь отчетливыхъ проявленіяхъ психической дѣятельности чувствованія развиваются изъ ощущеній, чувства изъ идей. Доказать это легко. Отчетливыми ощущенія становятся только тогда, когда для нихъ въ организмѣ образуются особые органы, которые воспринимаютъ раздраженія извнѣ. На этой ступени пріоритетъ ощущеній очевиденъ. Сначала мы видимъ, слышимъ, осязаемъ, а потомъ уже, иногда на довольно значительныхъ промежуткахъ времени, возникаютъ чувства пріятнаго, непріятнаго, боли. Психофизикѣ конечно удастся со временемъ точно опредѣлить даже тотъ minimum времени, который проходитъ между ощущеніемъ и появленіемъ соотвѣтствующаго чувствованія въ области осязанія, слуха, зрѣнія и т. д. Точно также какъ чувствованія развиваются изъ ощущеній, чувства изъ представленій —путемъ инстинктивной или сознательной оцѣнки послѣднихъ, такъ стремленія и желанія въ свою очередь появляются въ сознаніи позднѣе чувствованій и чувствъ и вслѣдствіе развитія этихъ послѣднихъ; изъ стремленій и желаній также постепенно развиваются движенія и дѣйствія. Оттого между ощущеніемъ и отвѣтнымъ движеніемъ, между представленіемъ и соотвѣтствующимъ дѣйствіемъ или поступкомъ проходитъ всегда болѣе или менѣе значительное время; только въ рефлексахъ, т. е. неполныхъ оборотахъ, это время совершенно ничтожно и иногда неуловимо для сознанія. Въ оборотахъ же полныхъ, если они начинаются специ-

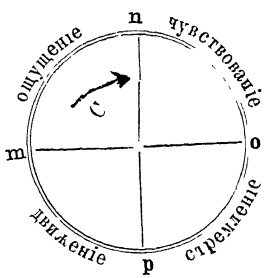
физическими ощущеніями органовъ чувствъ, его всегда можно измѣрить, если не минутами, то секундами. Оттого то и идеалисты, какъ напр. г. Козловъ, принуждены признать, что психическія явленія происходятъ «во времени». Что же значитъ это утвержденіе, если не то, что представленія, чувства, желанія и т. д. являются въ сознаніи не разомъ, а возникаютъ другъ за другомъ? Оттого то и возможно иногда отсутствіе извѣстныхъ моментовъ психическаго оборота, не объяснимое съ точки зрѣнія параллелизма или совмѣстности всѣхъ психическихъ явленій. Если психическія явленія совмѣстны, то отчего же извѣстное представленіе иногда не сопровождается никакимъ чувствомъ или желаніемъ? Другое дѣло, если они возникаютъ послѣдовательно другъ за другомъ,— тогда отсутствіе одного момента можно объяснить особымъ направленіемъ развитія другого, предшествующаго. Такъ представленіе, давно знакомое и ассоціировавшееся съ извѣстнымъ дѣйствіемъ, можетъ прямо вызвать это дѣйствіе, минуя моменты чувства и желанія. Пусть г. Козловъ объяснитъ такіе случаи съ точки зрѣнія совмѣстности психическихъ явленій! Впрочемъ и не прибѣгая къ указанію на частные случаи, можно легко доказать несостоятельность протеста г. Козлова противъ идеи причинной зависимости и послѣдовательности психическихъ явленій. Вѣдь г. Козловъ признаетъ, что психическія явленія происходятъ «во времени»; все, что происходитъ во времени совершается въ извѣстной послѣдовательности. Идея времени и послѣдовательности другъ друга покрываютъ. Теперь послѣдовательность можетъ быть случайная, произвольная или законная, непзмѣнная, постоянная. Законная, постоянная послѣдовательность и создаетъ идею о причинной зависимости явленій. Такъ какъ г. Козловъ конечно не станетъ настаивать на томъ, что психическая дѣятельность въ своемъ теченіи не слѣдуетъ никакимъ законамъ, т. е. что теченіе ея произвольно, то очевидно, что идея причинной зависимости психическихъ явленій прямо вытекаетъ изъ идеи развитія психической дѣятельности во времени. Отрицать первое значило бы отрицать и послѣднее, и въ концѣ концовъ г. Козлову пришлось бы утверждать, что психическая дѣятельность не происходитъ нетолько *нигдѣ*, но и *никогда*; но тогда она была бы вообще *ничто*, по крайней мѣрѣ для наблюденія человѣка. Признавъ же разъ, что психическая дѣятельность происходитъ во времени, и притомъ, что теченіе ея слѣдуетъ извѣстнымъ законамъ,—иначе сказать, что между психическими явленіями существуетъ отношеніе причинъ и дѣйствій, остается искать точный законъ этого отношенія, точный законъ теченія психической дѣятельности. Такой точ-

ный законъ и даетъ наша теорія психическаго оборота, при чемъ, какъ мы видѣли, частные моменты этого оборота опредѣляются изъ анализа спеціальныхъ психическихъ явленій (различіе стремленій и движеній, желаній и дѣйствій) и нервнаго механизма, служащаго внѣшнимъ условіемъ означеннаго оборота (послѣдовательность ощущеній и чувствъ). Нельзя же отрицать, что органы воспріятія прежде всего даютъ содержаніе для образованія объективныхъ ощущеній и что чувства пріятнаго и непріятнаго, связанныя съ субъективной оцѣнкой объективнаго содержанія ощущеній, возникаютъ позднѣе? Тутъ опытъ каждаго человѣка говоритъ самъ за себя. Притомъ уже въ самомъ понятіи «субъективной оцѣнки какихъ то отношеній,» служащей подкладкою всѣхъ чувствованій и чувствъ, лежитъ идея объ извѣстномъ познавательномъ актѣ, предшествующемъ образованію этихъ послѣднихъ; что же можетъ служить содержаніемъ такого познавательнаго акта, критеріемъ субъективной оцѣнки впечатлѣній, какъ не ощущенія и представленія наши, какъ бы смутны и неопредѣленны они ни были? Стало быть, съ которой бы стороны мы ни подходили къ анализу чувствованій и чувствъ, все получается одинъ и тотъ же результатъ, а именно что эти явленія въ сколько-нибудь отчетливыхъ психическихъ оборотахъ являются результатомъ извѣстной переработки объективныхъ ощущеній и идей. Г. Козловъ говоритъ, что объективные и субъективные элементы воспріятія отдѣлимы только при помощи психологической обстракціи. Это совершенно вѣрно относительно низшихъ формъ воспріятія, гдѣ, какъ мы указали, моменты оборота еще не дифференцировались. Напр. въ органическомъ чувствованіи голода только путемъ абстракціи можно отдѣлить элементъ объективный и субъективный, ощущеніе и чувство. Но этого никакъ нельзя сказать относительно высшихъ формъ воспріимчивости. Каждому человѣку по опыту знакомы чувства и волненія, совершенно утратившія ясную объективную окраску,—чувства и волненія, объективную причину которыхъ мы совершенно не въ состояніи себѣ уяснить, не говоря уже о томъ, что въ большинствѣ чувствъ и волненій при ихъ дальнѣйшемъ развитіи мы имѣемъ дѣло скорѣе со слѣдами представленій и идей, чѣмъ съ дѣйствительными представленіями и идеями, сохраняющими непосредственную связь съ дѣйствительностью. Предметъ, вызвавшій чувство страха или гнѣва, иногда уже давно исчезъ съ нашего горизонта, а чувство находится въ кульминаціонной точкѣ своего развитія, поддерживаемое воспоминаніемъ объ исчезнувшемъ предметѣ, давшемъ толчокъ этому развитію. Но если уже въ чувствахъ, развивающихся изъ идей,

болѣе или менѣе, стушевывается объективный элементъ, изъ котораго онѣ возникли, то тѣмъ болѣе въ идеяхъ, т. е. въ представленіяхъ и понятіяхъ, мы часто не встрѣчаемъ никакого *субъективнаго* элемента. Настоящая познавательная дѣятельность человѣка въ томъ и заключается, что развитіе объективныхъ элементовъ его воспріятія поглощаетъ всю психическую энергію, что сознаніе его, вслѣдствіе пріобрѣтеннаго навыка, воздерживается отъ всякой субъективной оцѣнки идей и теченіе этихъ послѣднихъ сопровождается лишь автоматическими внѣшними движеніями, которыя поддерживаютъ притокъ объективныхъ впечатлѣній, дающихъ пищу мыслительному процессу. Изрѣдка правда въ это чисто внѣшнее взаимодѣйствіе сознанія съ окружающею средою вторгаются непрошенные элементы субъективной оцѣнки. Но какъ только мы замѣчаемъ отклоненіе отъ прямого пути, то спѣшимъ очистить идеи свои отъ субъективной окраски. Такимъ образомъ на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія сознанія теченіе идей происходитъ совершенно независимо отъ какихъ-либо чувствъ и волненій и раздѣльность тѣхъ и другихъ дана совершенно реально, а не является только плодомъ психологической абстракціи.

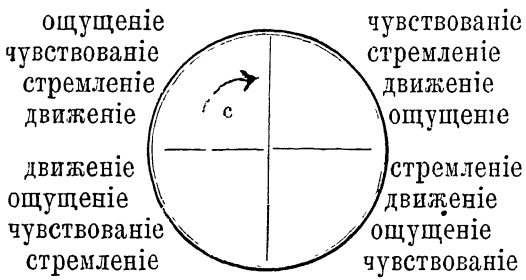
Оправдавъ со всѣхъ сторонъ теорію психическаго оборота, мы въ заключеніе коснемся вопроса о сходствѣ нашей теоріи съ Гербартовскою. Мы не видимъ, вопервыхъ, какимъ образомъ связность какихъ-нибудь явленій, зависимость ихъ другъ отъ друга можно истолковывать, какъ доказательство ихъ тождественности и несамостоятельности. Если громъ и молнія суть явленія, тѣсно связанныя другъ съ другомъ, зависимыя другъ отъ друга, то неужели ихъ не должно всетаки различать, какъ явленія совершенно разнородныя? Если сокращеніе мускуловъ находится въ ближайшей зависимости отъ возбужденія центровъ, то неужели сокращеніе мускуловъ отъ этого самого должно признать явленіемъ тождественнымъ съ возбужденіемъ центровъ? Мы конечно не разумѣемъ самостоятельности психическихъ явленій въ смыслѣ независимаго существованія ихъ какъ особыхъ *предметовъ* или *силъ*. Но отъ этого еще далеко до признанія чувствъ, желаній и дѣйствій за простыя видоизмѣненія представленій, какъ это думалъ Гербартъ. Есть конечно извѣстная общая подкладка во всѣхъ психическихъ явленіяхъ, но эта общая подкладка есть не представленіе или идея, а сознаніе: и представленіе, и чувство, и желаніе, и хотѣніе суть акты сознанія. Но родъ сознанія, качественная окраска его во всѣхъ этихъ случаяхъ различны. Тѣ признаки, которые дѣлаютъ то или другое явленіе сознанія представленіемъ,

de jure совершенно отсутствуютъ въ томъ явленіи сознанія, которое мы называемъ чувствомъ или же желаніемъ. Каждый моментъ психическаго оборота одинаково можетъ быть господствующимъ, можетъ быть центромъ тяжести всего оборота, давать ему тотъ или другой своеобразный тонъ или окраску. Нельзя даже сказать, чтобы абсолютнымъ началомъ психическаго оборота было именно ощущеніе или представленіе. Это лишь идеальное его начало—de facto, когда психическая дѣятельность въ ходу, одни явленія непрерывно развиваются изъ другихъ въ указанной нами послѣдовательности. Движенія служатъ такимъ же началомъ и источникомъ для новыхъ ощущеній, какъ ощущенія для чувствованій. Вообще непрерывное развитіе психическаго процесса можно изобразить въ видѣ окружности, по которой сознаніе движется въ опредѣленномъ направленіи не останавливаясь. Если раздѣлить такую окружность на четыре равныя части, то точки m, n, o, p будутъ обозначать моменты перехода однихъ пси-

хическихъ явленій въ другія, стрѣлка **c** направленіе ихъ развитія. При пробужденіи сознанія (напр. послѣ глубокаго сна) развитіе оборота конечно начинается съ точки m; но очевидно, что по истеченіи нѣкотораго времени, когда уже установилось непрерывное взаимодѣйствіе сознанія съ окружающею средою, каждая изъ точекъ m, n, o, p можетъ быть принята за начало новаго оборота, и дать одному изъ моментовъ процесса первенствующее значеніе мы совершенно не въ правѣ. Это станетъ еще яснѣе, если принять во вниманіе, что при разнообразіи точекъ соприкосновенія сознанія и внѣшней среды, при разнообразіи впечатлѣній, непрерывно притекающихъ въ сознаніе, психическій процессъ въ каждую минуту состоитъ изъ *нѣсколькихъ* параллельныхъ оборотовъ, моменты которыхъ не сходятся. Если слить схемы этихъ одновременныхъ частныхъ оборотовъ въ одну общую, то мы получимъ такую схему психическаго процесса, въ которой каждая

четверть окружности будетъ обозначать совокупность всѣхъ моментовъ психическаго оборота, совпалающихъ во времени:

Въ такомъ случаѣ въ каждой изъ четырехъ точекъ окружности придется одинаково поставить буквы m, n, o, p, т. е. каждая точка будетъ въ своемъ родѣ и началомъ и серединой и концомъ психическаго оборота даже въ реальномъ, а не только въ идеальномъ значеніи слова. Но и такая схема еще не вполнѣ выразить идею сложнаго психическаго процесса. Въ каждый моментъ теченія одного оборота, при постоянномъ притокѣ впечатлѣній извнѣ, можетъ начаться новый психическій оборотъ и каждая точка окружности будетъ одновременно и m, и n, и o, и p, съ точки зрѣнія различныхъ перекрещивающихся оборотовъ. Такую идеальную схему психическаго процесса графически изобразить невозможно, —ее можно только представить себѣ съ помощью воображенія. Конечно такая схема будетъ только идеальна: de facto между началами различныхъ оборотовъ можетъ проходить замѣтный промежутокъ времени; но возможность непрерывнаго преемства оборотовъ всетаки не подлежитъ сомнѣнію и отсюда выводъ о непередаваемости идеи психическаго процесса при помощи графической схемы. Такъ напр., когда мы сидимъ въ театрѣ и смотримъ новую пьесу, насъ интересующую, то въ теченіе каждаго отдѣльнаго акта притокъ зрительныхъ и слуховыхъ впечатлѣній непрерывный и преемство психическихъ оборотовъ совершается на неизмѣримо малыхъ промежуткахъ времени.

Очевидно, при такой идеѣ о психическомъ процессѣ, мы столько же въ правѣ чувство назвать видоизмѣненіемъ представленія, сколько желаніе видоизмѣненіемъ чувства, дѣйствіе видоизмѣненіемъ желанія, представленіе видоизмѣненіемъ дѣйствія,—вообще каждое психическое явленіе, при такой теоріи, одинаково можно признать за основное, изъ котораго развиваются всѣ другія. Стало быть, наша теорія столько же имѣетъ сходства съ ученіемъ Гербарта, сколько съ ученіями Шопенгауэра или Горвица, а въ концѣ концевъ не имѣетъ ничего общаго ни

съ одною изъ нихъ, ибо основана на признаніи, что всѣ разнородныя и самостоятельныя другъ отъ друга, въ эмпирическомъ значеніи слова, психическія явленія суть моменты развитія той общей основы, которая называется сознаніемъ,—при чемъ «сознаніе» есть конечно понятіе гораздо болѣе широкое, чѣмъ понятіе «представленія».

Разобравъ всѣ аргументы, которыми г. Козловъ думаетъ разбить нашу теорію психическаго оборота, и доказавъ ихъ несостоятельность, мы коснемся теперь болѣе мелкихъ возраженій г. Козлова, относящихся къ другимъ теоретическимъ положеніямъ нашей книги.

Во первыхъ, онъ касается предложенныхъ нами опредѣленій нѣкоторыхъ классовъ ощущеній. Тепловыя ощущенія, по его мнѣнію, нельзя назвать только *внѣшними*, ибо они испытываются и при дѣйствіи внѣшней среды на внутренніе органы. Таково дѣйствіе вина на желудокъ, вызывающее ощущеніе теплоты въ цѣломъ организмѣ Г. Козловъ, приводя этотъ примѣръ, къ сожалѣнію забываетъ, что то же самое вино, принятое въ большемъ количествѣ вызываетъ и зрительныя и слуховыя ощущенія, не имѣющія ничего общаго съ окружающею средою. Такія ощущенія называются галлюцинаціями, и тепловыя ощущенія, вызываемыя виномъ, совершенно однородны съ ними. Разница только въ томъ, что первыя не такъ обычны и потому самому считаются *менѣе нормальными*,—тѣмъ болѣе, что ошибочныя представленія о внѣшней средѣ, ими порождаемыя, имѣютъ гораздо болѣе важное значеніе во всей дѣятельности человѣка, чѣмъ ошибочныя представленія о состояніи окружающей атмосферы. Итакъ всѣ вообще внѣшнія ощущенія могутъ быть вызваны внутренними раздраженіями; но всѣ эти внутреннія раздраженія, производимыя различными наркотическими средствами, болѣе или менѣе *искусственны*. Первоначальными и естественными должно считать тепловыя, зрительныя, слуховыя и др. подобныя раздраженія, идущія извнѣ—по установленнымъ самою природою путямъ, каковы напр. особые тепловые нервы, оканчивающіеся на периферіи. Правильность этого положенія доказывается между прочимъ нашею привычкою объективировать всѣ тепловыя ощущенія, искать причину ихъ внѣ организма, какой бы источникъ они не имѣли. Только вслѣдствіе продолжительнаго опыта и вслѣдствіе такихъ искусственныхъ критеріевъ, какъ термометръ, мы научаемся различать субъективныя тепловыя ощущенія отъ объективныхъ и вообще правильно оцѣнивать ихъ причину. Тѣмъ не менѣе мы часто ошибаемся и пытаемся истолковывать внѣшнею причиною такія ощущенія тепла и холода, которыя вызваны изнутри. Не такимъ ли же путемъ происходятъ и всѣ наши зрительныя,

слуховыя, вкусовыя и другія иллюзіи? Значитъ тепловыя ощущенія, въ такой же мѣрѣ внѣшни, какъ зрительныя, слуховыя и проч. Далѣе г. Козловъ полагаетъ, что тепловыя ощущенія не всегда связаны съ обмѣномъ веществъ, что иногда они въ связи съ обмѣномъ впечатлѣній, какъ напр. когда мы грѣемся на солнцѣ. Такое замѣчаніе прямо основано на недоразумѣніи. Съ указанной г. Козловымъ точки зрѣнія всѣ ощущенія связаны съ обмѣномъ впечатлѣній, а не веществъ, ибо ощущеніями и называются именно всѣ сознательные продукты обмѣна впечатлѣній. Мы различали ощущенія «связанныя съ обмѣномъ веществъ» отъ ощущеній «связанныхъ съ обмѣномъ впечатлѣній», совершенно съ другой точки зрѣнія, а именно по характеру процессовъ, которые они регулируютъ. Очевидно, что всѣ тепловыя ощущенія регулируютъ процессъ кровообращенія, представляющій моментъ обмѣна веществъ,—тогда какъ напр. осязательныя ощущенія регулируютъ процессъ движенія, составляющій моментъ обмѣна впечатлѣній.

Г. Козловъ сомнѣвается, во вторыхъ, въ различіи внѣшнихъ половыхъ ощущеній или лучше сказать, ощущеній «органическаго прикосновенія» отъ простыхъ осязательныхъ. «Положимъ, говоритъ онъ, я глажу живую кошку или собаку и потомъ глажу просто мѣхъ кошачій или собачій; я рѣшительно не вижу основаній получить въ первомъ случаѣ какой-то особый родъ внѣшнихъ ощущеній сравнительно со вторымъ случаемъ». На это мы отвѣтимъ вопервыхъ, что мы въ классификацію свою помѣстили только спеціальныя внѣшнія половыя ощущенія (связанныя съ половымъ актомъ), самостоятельность которыхъ и самъ г. Козловъ не отрицаетъ. О другихъ же однородныхъ ощущеніяхъ животнаго прикосновенія мы упомянули только вскользь, признавая ихъ тоже гипотетическими. Въ виду этого, замѣчаніе г. Козлова въ сущности мало относится къ дѣлу. Притомъ мы упомянули лишь о болѣе яркихъ и отчетливыхъ формахъ ощущеній животнаго прикосновенія, напр. о поцѣлуѣ, объятіи, рукопожатіи. Наконецъ, какъ бы ни былъ гипотетиченъ классъ ощущеній органическаго прикосновенія,—намъ кажется все-таки, что безусловное отрицаніе его со стороны г. Козлова является слишкомъ поспѣшнымъ. Нельзя назвать напр. простыми осязательными ощущеніями тѣ ощущенія, которыя испытываетъ кошка или собака, когда человѣкъ своею рукою щекочетъ ей шею или затылокъ или даже просто гладитъ спину. Самъ человѣкъ, вслѣдствіе привычки и постепеннаго приспособленія, можетъ не испытывать особыхъ ощущеній въ подобныхъ случаяхъ. Но въ другихъ случаяхъ и онъ способенъ къ такимъ ощущеніямъ. Напр.

процессъ гипнотизированія, о которомъ наука такъ много говоритъ послѣднее время, сопровождается именно ощущеніями такого рода, если гипнозъ наступаетъ вслѣдствіе болѣе или менѣе продолжительнаго дѣйствія руки магнетизера на поверхность нашего тѣла. Магнетическій взглядъ другого существа тоже вызываетъ рядъ особыхъ ощущеній (обмѣнъ взглядовъ между влюбленными, магнетическое дѣйствіе взгляда змѣи на добычу и т. д.). Стало быть для насъ лично почти не представляетъ сомнѣнія, что половыя ощущенія, въ спеціальномъ значеніи слова, составляютъ лишь главное, концентрированное проявленіе специфическихъ ощущеній болѣе широкаго круга, которыя Бэнъ весьма удачно обнялъ понятіемъ animal contact.

Затѣмъ г. Козловъ касается нашей теоріи зависимости чувствованій отъ траты и накопленія веществъ По его мнѣнію извѣстно, что превращеніе всякаго новорожденнаго организма въ его взрослую форму обусловливается преобладаніемъ накопленія вещества надъ его тратою, откуда слѣдуетъ, что дѣтство и молодость, по нашей теоріи, должны сопровождаться постоянными отрицательными страданіями, происходящими «отъ недостатка траты сравнительно съ накопленіемъ». Разсуждая такимъ образомъ, г. Козловъ забываетъ, что и процессъ роста и вообще развитія тканей есть особый видъ органической *работы*, поглощающей весь излишекъ веществъ, остающійся въ молодомъ организмѣ отъ всей его прочей работы, и что поэтому, по нашей теоріи, развитіе организма должно сопровождаться положительнымъ удовольствіемъ, а не отрицательнымъ страданіемъ, что̀ и бываетъ на самомъ дѣлѣ. Въ старческомъ возрастѣ, когда, по мнѣнію г. Козлова, трата веществъ превышаетъ накопленіе, эта несоразмѣрность тоже только кажущаяся, потому что въ старческомъ организмѣ, за недостаткомъ прибыли новыхъ веществъ, тратятся запасы старыхъ, накопленные въ лучшую пору жизни. Притомъ и самая работа, по мѣрѣ истощенія силъ, постепенно сокращается и оттого старость иногда не сопровождается замѣтными страданіями и даже иногда бываетъ спокойнѣе молодости. Не надо забывать, что организмъ есть капиталъ, котораго можетъ надолго хватить, если при недостаточности процентовъ съ этого капитала тратить его самого бережно и аккуратно. Но если человѣкъ и въ молодости сорилъ своими силами и безпощадно тратилъ свой основной капиталъ, то тогда конечно никакая экономія въ концѣ жизни не помогаетъ и на долю старости выпадаютъ жестокія страданія. Такимъ образомъ, и въ ученіи нашемъ о зависимости чувствованій отъ отношеній накопленія и траты силъ нѣтъ никакихъ противорѣчій.

Г. Козловъ возстаетъ еще противъ нашего принципа классификаціи чувствованій. Признавая такимъ принципомъ разнообразіе отправленій организма, мы, по его мнѣнію, ставимъ психологіи требованіе, которое сами же потомъ признаемъ невыполнимымъ, ибо сознаемся, что физіологія до сихъ поръ не выработала естественной классификаціи отправленій организма и что классификація чувствованій должна быть поставлена въ связь съ классификаціей ощущеній. По мнѣнію г. Козлова, внутренній опытъ не только теперь, но и всегда будетъ служить единственнымъ основаніемъ дѣленія чувствованій на классы, ибо полная классификація отправленій организма не могла бы служить критеріемъ для этого послѣдняго: есть отправленія, не доступныя сознанію и не сопровождающіяся никакими чувствами. Послѣднее совершенно вѣрно и внутренній опытъ непремѣнно долженъ служить средствомъ повѣрки классификаціи психическихъ явленій въ связи съ отправленіями организма. Но онъ можетъ играть роль лишь дополнительнаго, а не главнаго критерія для естественной классификаціи ощущеній, чувствованій и другихъ, параллельныхъ имъ, психическихъ явленій, потому что онъ можетъ давать и невѣрныя показанія. Такъ, опираясь на внутренній опытъ, психологи въ теченіе многихъ вѣковъ смѣшивали мускульныя ощущенія съ зрительными и осязательными и, если правда, какъ говоритъ г. Козловъ, что психологи же сами, въ лицѣ Рида, Броуна и другихъ, исправили эту ошибку, то никакъ не благодаря указаніямъ внутренняго опыта, а лишь вслѣдствіе успѣховъ опыта внѣшняго, вслѣдствіе развитія анатомическихъ и физіологическихъ знаній, вслѣдствіе болѣе полнаго ознакомленія науки съ устройствомъ и отправленіями органовъ чувствъ. То, что психологи, а не физіологи, открыли разницу мускульныхъ и чисто зрительныхъ ощущеній не удивительно, ибо физіологи и до сего времени еще мало заботятся о примѣненіи своихъ выводовъ къ психологіи. Но то, что именно англійскіе психологи-эмпирики,- преемники Локка, Юма, Гергли и др. замѣчательныхъ психологовъ-реалистовъ, открыли эту разницу, а не послѣдователи Декарта и Вольфа, лучше всего доказываетъ, что это открытіе совершилось подъ вліяніемъ естественныхъ наукъ и точнаго анализа. Дѣйствительно, можно ли было говорить о мускульныхъ ощущеніяхъ, когда самое существованіе мускуловъ и ихъ отправленія были неизвѣстны? Точно также въ наше время, съ дальнѣйшимъ развитіемъ физіологіи мышцъ, психологи физіологической школы, а именно Вундтъ одинъ изъ первыхъ, указали на различіе двухъ классовъ мышечныхъ ощущеній (органическихъ и связанныхъ съ мышечной иннерваціей). Та же судьба

предстоитъ и всей вообще классификаціи ощущеній, а затѣмъ чувствованій и другихъ явленій сознанія. Эта классификація сдѣлается полною, точною и естественною лишь тогда, когда анатомія и физіологія скажутъ свое послѣднее слово по вопросу о классификаціи органовъ и отправленій человѣческаго тѣла. А пока поневолѣ приходится довольствоваться несовершеннымъ орудіемъ внутренняго опыта—съ условіемъ конечно, чтобъ онъ былъ поставленъ подъ строгій контроль тѣхъ знаній, которые уже добыты физіологіей. Этимъ принципомъ мы и руководились при классификаціи ощущеній, а затѣмъ и чувствованій.

Г. Козловъ находитъ также неясною главу о законахъ осложненія чувствованій. По его мнѣнію, ассоціація и воспроизведеніе, въ сознаніи, чувствованій и чувствъ возможны лишь при участіи ощущеній и представленій. Но то, что чувства ассоціируются и воспроизводятся, въ сознаніи, безъ помощи идей, всего лучше доказывается тѣми, всѣмъ извѣстными, случаями, когда испытывая какое-нибудь чувство мы припоминаемъ, что испытали уже это чувство или подобное ему ранѣе и однако долго или даже *вовсе* не можемъ припомнить внѣшнихъ обстоятельствъ, при которыхъ это случилось. Точно также бываетъ часто, что чувства воспроизводятся въ сознаніи не по сходству, а по смежности во времени, безъ всякаго участія идей. Если разъ, другой чувство страха, вслѣдствіе какихъ-нибудь обстоятельствъ, переходило въ чувство гнѣва или негодованія, то потомъ при новыхъ обстоятельствахъ можетъ случиться, что совершенно некстати, т. е безъ всякаго внѣшняго повода и безъ всякихъ воспоминаній о прежнихъ обстоятельствахъ, вызывавшихъ преемство указанныхъ чувствъ, преемство это всетаки явится, какъ слѣдствіе ассоціаціи самыхъ чувствъ, и страхъ перейдетъ въ негодованіе, которое намъ же самимъ послѣ покажется смѣшнымъ и безпричиннымъ. Эти факты такъ хорошо извѣстны всякому, что останавливаться на нихъ долѣе излишне. Г. Козловъ несогласенъ также съ тѣмъ, чтобы чувствованія удерживались въ памяти въ зависимости отъ силы раздраженій. Чувства, по его мнѣнію, вообще оставляютъ мало слѣдовъ въ сознаніи и оттого мы любимъ вспоминать тяжелыя минуты нашей прошедшей жизни. Но охоту къ припоминанію тяжелыхъ событій прошлаго можно объяснить и другимъ способомъ. Чувства, какъ и представленія, относящіяся къ прошлому, теряютъ со временемъ свой острый характеръ и остаются отъ нихъ лишь смутные слѣды. Эти смутные слѣды представленій и чувствъ мы можемъ оживить только усиліемъ своей воли и такъ какъ въ нашей власти не оживлять тѣхъ состояній сознанія, которыя причиняютъ намъ страданіе,

то мы и не отталкиваемъ отъ себя картинъ печальнаго прошлаго, а сосредоточиваемъ свое вниманіе лишь на тѣхъ воспоминаніяхъ, которыя менѣе тяжелы. Притомъ бываетъ, что подъ вліяніемъ новыхъ событій самая оцѣнка прежнихъ фактовъ измѣняется и тогда противовѣсомъ для тяжелыхъ чувствъ служатъ другія чувства, связанныя съ измѣненною оцѣнкою событій. Наконецъ, мы любимъ припоминать печальныя минуты прошлаго и потому еще, что этотъ процессъ припоминанія, какъ особый видъ интеллектуальной работы, самъ по себѣ доставляетъ намъ удовольствіе и этимъ удовольствіемъ искупаются всѣ мимолетныя и ослабѣвшія отъ времени страданія, которыя одновременно воспроизводятся въ сознаніи. Въ заключеніе замѣтимъ, что возможность воспроизведенія однихъ чувствъ въ связи съ другими нисколько не противорѣчитъ, какъ думаетъ г. Козловъ, нашей теоріи психическаго оборота. Каждый моментъ этого оборота можетъ быть сложный: вмѣсто одного чувства идея можетъ вызвать цѣлый рядъ чувствъ, который потомъ смѣняется цѣлымъ рядомъ желаній и т. д. Впрочемъ это уже явствуетъ само собою изъ вышеизложенной подробной теоріи психическаго оборота и психическаго процесса.

Для полноты г. Козловъ касается слегка и нашей классификаціи первичныхъ чувствъ. Ему классификація чувствъ въ книгѣ нѣмецкаго психолога Горвица болѣе нравится, чѣмъ наша. Это конечно дѣло личнаго вкуса. Но кромѣ указаній на свои личныя симпатіи, г. Козловъ дѣлаетъ нѣсколько возраженій, касающихся вопроса о происхожденіи нѣкоторыхъ первичныхъ чувствъ. При этомъ онъ отчасти повторяетъ возраженія, сдѣланныя намъ рецензентомъ нашей книги въ Вѣстникѣ Европы (Сентябрь), на которыя мы уже отвѣчали (Декабрь, стр. 855). На эти возраженія мы вновь отвѣчать не будемъ Но кромѣ того г. Козловъ приводитъ и нѣкоторые другія соображенія. Напр. по его мнѣнію чувство антипатіи не могло возникнуть изъ элементовъ физическаго чувствованія отвращенія (къ пищѣ), ибо животнымъ это послѣднее весьма мало доступно: они мало цѣнятъ доброкачественность пищи и болѣе обращаютъ вниманія на ея количество. Но вѣдь за то животнымъ весьма мало извѣстно и нравственное чувство антипатіи: ихъ враждебныя отношенія къ другимъ животнымъ болѣе опредѣляются чувствами страха, злобы, ненависти. Стало быть аргументъ г. Козлова скорѣе говоритъ въ нашу пользу! Далѣе, по мнѣнію г. Козлова, связь чувства снисходительности и доброты съ чувствованіями удовлетворенныхъ побужденій желудка опровергается тѣмъ наблюденіемъ, что «сытая и угобженная человѣческая скотина въ большинствѣ случаевъ черство и безсердечно

относится къ существамъ себѣ подобнымъ.» Но г. Козловъ упускаетъ изъ виду, что понятіе «сытой и угобженной человѣческой скотины» почти равносильно понятію «человѣка, не въ мѣру переполняющаго свой желудокъ», а такой человѣкъ, по нашей теоріи, долженъ быть наклоненъ къ чувству антипатіи и недоброжелательства къ себѣ подобнымъ, а не къ чувству доброты и снисходительности. Мы разумѣемъ не человѣка насыщающагося черезъ край, а лишь человѣка, удовлетворяющаго насущнымъ потребностямъ своей природы, и въ такомъ человѣкѣ всегда замѣчается довольство своей судьбой и расположеніе къ ближнимъ!

Этими замѣчаніями мы окончимъ анализъ теоретическихъ возраженій г. Козлова и слегка коснемся нападокъ его на историческія наши положенія. Тутъ, какъ мы сказали уже, дѣло чаще всего сводится къ защитѣ того или другого метафизическаго философа противъ незаслуженныхъ гоненій «эмпирика».

Относительно излишковъ и пропусковъ при изложеніи исторіи разбираемыхъ вопросовъ, въ которыхъ насъ упрекаетъ г. Козловъ, мы скажемъ только два слова. Возможности *излишней* полноты въ историческомъ разборѣ мы не допускаемъ, потому что иногда ученія самыхъ маловажныхъ и никому неизвѣстныхъ писателей лучше освѣщаютъ эпоху, чѣмъ ученія знаменитыхъ ея представителей. Важность того или другого писателя вообще вопросъ субъективный, не разрѣшимый абсолютно. Поэтому мы стремились къ полнотѣ идеальной. Но, во первыхъ, достиженію ея мѣшало иногда отсутствіе пособій; во вторыхъ, при богатствѣ новѣйшей литературы психологіи, поневолѣ приходилось иногда выпускать писателей, которые съ нашей точки зрѣнія казались менѣе важными. Оттого нѣкоторые пропуски въ анализѣ новѣйшей эпохи были неизбѣжны и мы сами предупреждали о нихъ читателя въ своей книгѣ. Такъ сочиненій Брентано и Геринга мы не имѣли своевременно подъ руками и объ этихъ писателяхъ пришлось умолчать. Фортлаге, Ульрици и Фихте младшаго мы пропустили не изъ «высокомѣрія», какъ думаетъ г. Козловъ, а потому что считаемъ ихъ психологическія теоріи слишкомъ фантастическими. Притомъ изъ собственныхъ словъ г. Козлова видно, что ихъ ученія въ области разбираемыхъ вопросовъ не имѣютъ самостоятельнаго значенія.

Провѣряя точность нашихъ историческихъ указаній, г. Козловъ прежде всего выступаетъ въ роли защитника Шопенгауэра. По мнѣнію г. Козлова, мы напрасно назвали Шопенгауэра пантеистомъ: онъ самъ проводитъ рѣзкое различіе между пантеизмомъ, ему чуждымъ, и монизмомъ, который исповѣдуетъ. Но вѣдь мы судили Шопенгауэра не съ его,

а съ *нашей* точки зрѣнія. *Мы* убѣждены, что идеалистическій монизмъ весьма близко родственъ пантеизму, потому что серіозное отрицаніе матеріальнаго міра кажется намъ совершенною несообразностью. Всегда косвенно возвращаясь къ признанію этого міра, чистые идеалисты въ концѣ концевъ безсознательно являются лишь защитниками ученія о нераздѣльности и взаимномъ проникновеніи духовнаго и матеріальнаго началъ. Съ точки зрѣнія поклонника Шопенгауэра такое утвержденіе конечно является ересью, но это опять лишь дѣло вкуса. Мы хотимъ только сказать, что не обмолвились, когда назвали Шопенгауэра пантеистомъ, а выразили сознательное убѣжденіе свое. Что касается до упрека, что мы заставляемъ Шопенгауэра говорить только метафорами, то онъ едва ли справедливъ. Мы тоже, какъ и самъ Шопенгауэръ, приводимъ его метафоры лишь для болѣе нагляднаго выясненія его теоріи, которую затѣмъ излагаемъ подробнѣе безъ помощи метафоръ. Защищая Шопенгауэра, г. Козловъ наконецъ прямо упрекаетъ насъ въ искаженіи ученія этого философа. Мы говоримъ, что Шопенгауэръ въ 3-й главѣ II т. своего сочиненія «Міръ, какъ воля и представленіе» говоритъ о чувствованіяхъ пріятнаго и непріятнаго, какъ о мотивахъ, возбудителяхъ воли. По мнѣнію г. Козлова, это «вздоръ»: Шопенгауэръ слова «мотивъ» даже ниразу не употребляетъ. На этомъ мы нигдѣ и не настаивали: мы передали мысль Шопенгауэра *своими* словами; а что онъ говоритъ о чувствахъ пріятнаго и непріятнаго, какъ о возбудителяхъ воли, вытекаетъ изъ сравненія слѣдующихъ двухъ мѣстъ, которые, во избѣжаніе новыхъ недоразумѣній, приведемъ въ подлинникѣ. На стр. 30 (4 Ausgabe) онъ говоритъ: «Diejenigen Empfindungen, welche hauptsächlich zur objectiven Auffassung der Welt dienen sollten, mussten an sich weder angenehm noch unangenehm sein; dies besagt eigentlich, *dass sie den Willen ganz unberührt lassen mussten.*» На стр. 32 онъ говоритъ: «Das zweite Impoderabile Wärme ist eigentlich kein Gegenstand der Sinne, sondern des Gemeinfühls, wirkt daher auch stets direkt auf den Willen, als angenehm und unangenehm.» Изъ этихъ двухъ цитатъ, не говоря о другихъ мѣстахъ на тѣхъ же страницахъ текста, ясно слѣдуетъ, что по мнѣнію Шопенгауэра болѣе объективныя ощущенія, не заключающія въ себѣ элементовъ пріятнаго и непріятнаго, оказываютъ мало вліянія на волю, не возбуждаютъ её (lassen den Willen unberührt); тѣ же ощущенія, которыя сопровождаются чувствами пріятнаго и непріятнаго, дѣйствуютъ прямо на волю (wirken direkt auf den Willen). Такъ выходитъ изъ дословнаго пониманія текста Шопенгауэра. Если же Шо-

пенгауэръ неясно выразился и разумѣлъ что-нибудь другое, давалъ своимъ словамъ какой-то особый, потаенный смыслъ, то мы въ этомъ нисколько не виноваты. Что же касается до противорѣчія между указанными взглядами и другими теоріями Ш., то мы и сами на это противорѣчіе указали. Разница въ томъ, что мы, выходя изъ словъ Шопенгауэра, заключили о противорѣчіи въ его теоріяхъ, а г. Козловъ, какъ поклонникъ Шопенгауэра, не допускаетъ возможности противорѣчія въ словахъ такого авторитета и для устраненія мысли о таковомъ, перетолковываетъ на особый ладъ слова Шопенгауэра.

Переходя къ «критической» оцѣнкѣ различныхъ ученій психологовъ въ нашей книгѣ, г. Козловъ прежде всего старается доказать, что современная психологія вовсе не отказалась отъ метафизическихъ ученій о душѣ и что «разнородность явленій сознанія» вовсе составляетъ не единственную основу ученій современныхъ психологовъ. Для примѣра онъ ссылается на Гербарта и Дюмона, на Вундта и Горвица, на современныхъ французскихъ психологовъ-спиритуалистовъ и даже на Спенсера. Въ видѣ особаго экскурса, онъ защищаетъ г. Дюмона отъ мнимаго «нагоняя» съ нашей стороны. Никакого нагоняя мы Дюмону конечно не думали дѣлать, а только оставили въ сторонѣ его метафизическія ученія, не относившіяся къ дѣлу, по нашему мнѣнію. Что касается до признанія исключительнаго господства эмпирическаго ученія о разнородности явленій сознанія, то мы нигдѣ ничего подобнаго не утверждаемъ. Напротивъ, мы добросовѣстно излагаемъ всѣ новѣйшія попытки возстановленія метафизическаго понятія «способности» и другихъ подобныхъ и во многихъ мѣстахъ, не безъ сожалѣнія конечно, указываемъ на господство нѣкоторыхъ метафизическихъ ученій среди психологовъ и въ наше время, при чемъ объясняемъ его себѣ косностью человѣческихъ убѣжденій, инерціею мысли. Но, рядомъ съ этимъ, мы указываемъ разумѣется на постепенное распространеніе ученій психологовъ-эмпириковъ, на протестъ писателей различныхъ національностей противъ понятія «способностей души» (Гербартъ, Бэли, Рибо) и высказываемъ свое личное убѣжденіе, что преобладающая точка зрѣнія современныхъ психологовъ есть разнородность «явленій сознанія», за предѣлы которыхъ точная наука неспособна проникнуть. Самъ г. Козловъ сознается, что *изъ этого положенія современная психологія отправляется*. Но онъ думаетъ, что она всегда изъ него отправлялась. Это мнѣніе ошибочно. Локкъ первый предложилъ такую точку отправленія для психологіи. Но въ теченіе XVIII и первой половины XIX в. правильность принципа Локка была призна-

ваема только нѣкоторыми англійскими психологами, въ послѣднее же время онъ сдѣлался достояніемъ психологовъ всѣхъ странъ и это достаточно доказываетъ торжество его и побѣду надъ другими принципами. Если же нѣкоторые психологи, отправляющіеся изъ указаннаго принципа, потомъ отъ него отступаютъ и пускаются въ метафизику, то развѣ нельзя упрекнуть ихъ въ противорѣчіи и развѣ не должно объяснять такое противорѣчіе старыми привычками, усвоенными философіей и отъ которыхъ даже лучшіе представители ея неспособны отдѣлаться, хотя сознаютъ иногда, что эти привычки дурны и предосудительны? Замѣтимъ еще, что для г. Козлова и для насъ «современная» психологія соотвѣтствуетъ отчасти различнымъ эпохамъ, что̀ легко объясняется различіемъ нашего возраста. Для насъ не только Гербартіанцы, П. Жане, Гарнье, Булье и др. подобныя лица суть представители старой, отживающей, а не современной психологіи, но даже *отчасти* Спенсеръ и Вундтъ представляются дѣятелями пережитой эпохи. Естественно, что вслѣдствіе этого число «современныхъ» психологовъ-метафизиковъ и психологовъ-эмпириковъ для насъ представляется въ иной пропорціи, чѣмъ для г. Козлова. Мы живемъ настоящимъ и будущимъ, а онъ прошедшимъ и настоящимъ. Конечно неизвѣстно, кто изъ насъ ранѣе сойдетъ въ могилу, но всетаки естественно, что человѣкъ, родившійся въ 50-хъ годахъ иначе понимаетъ «современность», чѣмъ человѣкъ, который въ 50-хъ годахъ былъ во цвѣтѣ лѣтъ. Устранивъ это маленькое недоразумѣніе, пойдемъ далѣе.

Г. Козловъ думаетъ также, что и признаніе *самостоятельности чувствованій* въ наше время нельзя назвать господствующимъ. Въ примѣръ онъ приводитъ ученія Гербартіанцевъ, Шопенгауристовъ, Горвица и др., при чемъ кстати опровергаетъ нашу критику ученія Гербарта и жалуется на недостатокъ критической оцѣнки ученій Шопенгауэра и Горвица. Такъ какъ съ нашей точки зрѣнія критика метафизическихъ ученій указанныхъ философовъ *вовсе* не представляется необходимою для установленія нашей собственной теоріи, выходящей изъ совершенно иныхъ началъ, правильность которыхъ мы доказываемъ самостоятельно, то этихъ упрековъ мы подробнѣе разбирать и не будемъ, ибо они не идутъ къ дѣлу. Наша задача вообще заключалась не въ критикѣ ученій психологовъ-метафизиковъ, а лишь въ изложеніи прошлаго и современнаго состоянія вопроса, а затѣмъ въ построеніи нашей собственной теоріи. Критиковать мы могли и обязаны были только психологовъ, стоящихъ на одной съ нами почвѣ, т. е. на почвѣ опыта—психологовъ-эмпириковъ. Замѣтимъ однако, что мы опять не только не отрицали, а

даже особо подчеркивали ученія психологовъ, не признающихъ самостоятельности чувствованій въ отношеніи къ другимъ психическимъ явленіямъ. Мы только опять думаемъ, что ученія *этихъ* психоловъ представляютъ собою остатки прошлаго, результатъ косности мысли и что дѣйствительное будущее принадлежитъ лишь ученію о самостоятельности чувствованій рядомъ съ ощущеніями, стремленіями и т. д., которое *внѣ метафизическихъ школъ* несомнѣнно господствуетъ, которое является общепризнаннымъ въ кругу психологовъ-эмпириковъ. Стало быть, и въ данномъ случаѣ недоразумѣніе опять произошло отъ различнаго взгляда нашего на «метафизическую» психологію и отчасти на предѣлы «современной психологіи».

Разобравъ вкратцѣ историческія возраженія нашего противника, сдѣлаемъ общій выводъ о «критическомъ его этюдѣ». Этотъ критическій этюдъ конечно полезенъ для разъясненія вопросовъ; но всѣ возраженія г. Козлова имѣютъ не абсолютную, а лишь относительную цѣну. Они имѣютъ смыслъ только съ точки зрѣнія особой философской или, прямѣе говоря, метафизической доктрины автора «критическаго этюда» и съ этой точки зрѣнія можно пожалѣть только о томъ, что онъ самъ недостаточно указалъ на *относительный* смыслъ своихъ возраженій, и вездѣ старался придать имъ абсолютный характеръ защиты *истины* противъ *лжи*, правды противъ неправды. Въ сущности весь споръ между нами и г. Козловымъ долженъ былъ бы стоять на другой почвѣ, намъ слѣдовало бы держаться на почвѣ общаго вопроса о томъ, возможна ли метафизика или нѣтъ? Если на этотъ вопросъ придется отвѣчать отрицательно, то всѣ возраженія г. Козлова сами собою испарятся и потеряютъ всякое серіозное значеніе. Если же на него отвѣчать утвердительно, то не только разобранныя г. Козловымъ, но и почти всѣ другія положенія нашей книги поколеблются и потеряютъ твердую опору. Тогда многія положенія наши apriori, безъ подробной критики, пришлось бы отбросить. Но въ томъ то и дѣло, что упомянутый основной вопросъ уже давно разрѣшенъ отрицательно, по крайней мѣрѣ мы въ этомъ убѣждены А если такъ, то надо только пожалѣть о времени, которое г. Козловъ употребилъ на составленіе своего «критическаго этюда», а мы на составленіе отвѣта г. Козлову; но въ виду формы, приданной г. Козловымъ его возраженіямъ, нашъ отвѣтъ конечно былъ необходимъ. Будемъ же надѣяться, что г. Козловъ хоть теперь, если только снова будетъ намъ отвѣчать, перейдетъ на почву болѣе основныхъ философскихъ проблеммъ, отвѣтъ на которыя можетъ радикально рѣшить вопросъ о томъ, отличается ли

наша книга «современностью направленія, твердостью исходныхъ пунктовъ и научностью обработки данныхъ опыта»,—иначе сказать, правъ ли г. Козловъ, считая эти достоинства нашей книги мнимыми или, наоборотъ, правы мы, считая мнимою истинность всѣхъ возраженій г. Козлова.

Николай Гротъ.

НѢЖИНЪ,
Январь.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
2	14 сверху	психологическія	психическія
—	22 —	понятіе	понятія
5	16 снизу	тееріяхъ	теоріяхъ
10	17 сверху	термипомъ	терминамъ
15	3 —	выяснепъ	выяснены
19	12 снизу	I, 5.343	I, p. 343
21	4 сверху	любаго	любого
34	8 —	вкуса	личнаго взгляда
35	13 —	вовсе составляетъ	составляетъ вовсе

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ